

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

ПРЕВЕНТИВНЫЙ
УДАР

Альберт БАЙКАЛОВ

Филин

Альберт Байкалов

Превентивный удар

«ЭКСМО»

Байкалов А. Ю.

Превентивный удар / А. Ю. Байкалов — «Эксмо», — (Филин)

Поднеси мобильник к уху – и ты мертв. Включи телевизор – ты мертв. Побреешься электробритвой, проедешь по железной дороге – мертв. То, что тебя убьет, не имеет ни вкуса, ни запаха, не оставляет следов, неотличимо от чистой воды. Это придумал один чокнутый ученый, чтобы истреблять крыс. Но его помощник продал людям, у которых другие цели. О таком химическом оружии мечтают террористы не только в Чечне. Подполковнику ГРУ Филиппову и его группе предстоит сражаться за безопасность не только своей страны – за весь мир, все человечество. Цена вопроса слишком велика. Действовать приходится, не замечая границ, порой – за пределами нормы, морали, по ту сторону добра и зла.

© Байкалов А. Ю.

© Эксмо

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	28
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Альберт Байкалов

Превентивный удар

Глава 1

Залитый по самую крышу грязью «жигуленок» с треснувшим лобовым стеклом проехал по раскисшей дороге на другой конец небольшого, окруженного лесом дачного поселка и остановился у почерневшего от времени деревянного забора. Вышедший из машины мужчина огляделся. Над несколькими гектарами принадлежащей институту загородной земли стояла тишина, в которой раздавались лишь звуки падающих с мохнатых лап сосен капель воды. Не перестающая последние годы удивлять погода была в своем репертуаре, шедший весь день снег быстро таял. С окружающих предметов словно смыло краску. Белым пятном в густом тумане светился на невидимом столбе фонарь. В воздухе витал запах прелых листьев и хвои. Была середина ноября, но казалось, что на дворе весна. Вечерело.

Сняв очки, мужчина достал из кармана поношенной кожаной куртки носовой платок и начал не спеша протирать стекла. Руки слегка тряслись.

Мимо медленно прокатилась «Тойота Камри». Сидевший за рулем бритоголовый крепыш бросил полный безразличия взгляд на нескладного брюнета с вытянутым, болезненным лицом, стоящего у такого же убогого автомобиля.

Снова надев очки и убрав платок в карман, Геннадий Леонидович Акутин долго смотрел вслед иномарке, пока свет габаритных огней не съела похожая на распыленное в воздухе молоко водяная взвесь. Затем, словно что-то вспомнив, он развернулся и направился по едва заметной тропинке, ведущей к калитке.

Оказавшись во дворе, поежился. Каждый раз, когда Геннадий Леонидович проходил мимо старой, до половины почерневшей березы у развалившегося сарая и нескольких запущенных кустов сирени под окном веранды, у него возникало чувство, будто нечто злое и опасное провожает его взглядом. Повсюду торчали почерневшие стебли выросшей за лето лебеды.

Одноэтажное, покосившееся от времени строение на краю поселка язык не поворачивался даже с натяжкой назвать дачей. Оно было намного старше Акутина. Доктор Свергун получил его за самоотверженный труд на благо науки в конце восьмидесятых. Уже в то время дом требовал основательного ремонта.

Геннадий Леонидович поднялся по скрипучим ступенькам крыльца, сунул за дверной наличник руку и вынул ключ. Открыл навесной замок. Осторожно, словно боясь произвести лишний шум, снял с петли запор. Воровато оглядевшись, потянул за ручку. Дверь старчески прокряхтела и всхлипнула давно не смазанными петлями.

В двух комнатах царил страшный беспорядок. После смерти жены Свергун перестал использовать дачу по назначению, превратив ее в лабораторию. Не имея ни детей, ни родственников, сделавшийся слегка сумасшедшим старик весь отдался науке.

Пройдя через гостиную, где из мебели стояли лишь стол, пара стульев и ветхий диван, Акутин оказался во второй половине дома.

Несколько шкафов с ненужными книгами и железная кровать с панцирной сеткой темными силуэтами выступали из темноты. Пахло плесенью и чем-то прокисшим.

Поморщившись, он отогнул край старенького паласа. Под ним был квадратный люк. Геннадий Леонидович потянул за металлическое кольцо. Вниз вела деревянная лестница. Спустившись, он безошибочно нащупал рубильник. Вспыхнувший свет заполнил довольно просторное помещение с обшитыми деревом стенами и кафельным полом.

Здесь, на двух длинных столах, располагалась целая лаборатория. Штативы, колбы, мензурки, флаконы с различными порошками и жидкостями делили место с электроприборами непонятного на первый взгляд назначения. У противоположной стены стояли составленные одна на другую клетки. Напуганные светом, в них сейчас метались крысы.

Подойдя к ним, Акутин какое-то время безучастно наблюдал за спящими зверьками. Затем посмотрел на часы, сокрушенно вздохнул и, скользнув взглядом по металлическому шкафу, запертому на замок, поднялся наверх. Вернувшись в гостиную, сел за стол и задумался.

За неполных три десятка лет лаборант кафедры молекулярной химии Акутин успел серьезно разочароваться в жизни. Родился в Москве, ошастливив своим появлением семью молодых аспирантов. Успешно окончив школу, пошел по стопам родителей, поступил в университет, после которого с головой бросился в науку. Однако уже через каких-то пару лет ко всему охладел, утвердившись во мнении, что ученых в этой стране держат для проформы, а институт – сборище утопистов-неудачников, слепо верящих в какое-то светлое будущее. На глазах чах и загибался отец, участвовавший в ликвидации Чернобыльской аварии, получивший медаль и огромную дозу облучения. В конце концов, однажды утром он не проснулся, оставив сыну в наследство уже не новый автомобиль, кучу книг и долги соседям. Последний год Акутин-старший практически не прекращал пить.

Глядя на более решительных и смекалистых коллег, которые ушли в бизнес либо вовсе иммигрировали за границу, где мозги, в отличие от России, имеют цену, Геннадий Леонидович с ужасом понимал, что годы уходят. Однако его собственные попытки найти место под солнцем результата не дали. Семья, просуществовав чуть меньше года, распалась. Жена не выдержала завтраков с бутербродами, обедов, состоящих из «роллтоновской» лапши, и совместного проживания со свекровью в одной квартире.

Окончательно потеряв всякий смысл в жизни, он механически ходил в институт, имитировал работу, а возвращаясь домой, проводил остаток дня перед телевизором. Надежда на перемены появилась совсем неожиданно, и оттуда, откуда он ее совсем не ждал. В конце лета к нему обратился доктор Свергун с просьбой быть ассистентом в работе над синтезом нового вещества.

Дав согласие, Геннадий Леонидович некоторое время даже не вникал в суть опытов. Однако в один из дней профессор продемонстрировал на практике действие полученного препарата.

Напоив крыс с виду обыкновенной водой, Свергун через некоторое время распорядился загрузить половину клеток в багажник машины. Выехав за поселок, они остановились под высоковольтной линией электропередачи. Выкурив по сигарете, вернулись обратно. Спустя несколько дней у животных, подвергнувшихся воздействию электромагнитного поля, отовсюду пошла кровь, а еще через сутки они погибли. Та половина, которую с собой не брали, осталась невредимой.

«Ты даже не представляешь, какие деньги можно сделать! – шагая из угла в угол своей лаборатории, с восторгом восклицал доктор. – Англия, Германия, да что там говорить – весь мир не может победить этих грызунов! Стоит только добавить этой гадости в сточные воды, как твари начнут гибнуть! Ведь в течение короткого времени они преодолевают под землей гигантские расстояния, пересекая массу электромагнитных полей, образованных различными коммуникационными линиями. В конце концов, поля можно искусственно создавать, бросив на тротуар тот же силовой кабель». – «А вы не подумали, что аналогичное действие эта гадость может оказывать и на человека? – ляпнул тогда Акутин. – Ведь так можно население целого города отправить на тот свет».

На секунду остановившись, Свергун отмахнулся: «Сейчас любая отравка просто так в магазинах лежит. Причем наша после воздействия на нее полями сохраняет пагубные свойства

лишь очень короткий промежуток времени». – «Все-таки я с вами не согласен, – возразил тогда ему Акутин. – Это уже оружие»...

От размышления отвлек донесшийся с улицы скрип тормозов автомобиля. Затаив дыхание, Акутин прислушался. Хлопнули дверцы. Переменившись в лице, Геннадий Леонидович бросился на крыльцо. От ворот к дому уже направлялись быстрым шагом трое мужчин. Двое из них под руки волокли едва передвигающего ногами четвертого – бомжеватого вида парня. Его голова безвольно болталась. Он был примерно одного роста с Акутиным. Из-за сгустившихся сумерек невозможно было разглядеть черты его лица. Бормоча бессвязные фразы, парень пытался освободиться от своих конвоиров и упасть спать прямо тут, во дворе. Отведя взгляд от накачанного водкой и еще ничего не подозревающего человека, Акутин с опаской посмотрел в сторону дороги. Кроме джипа, на котором спешащие через двор люди приехали сюда, и его развалюхи, на ней никого и ничего не было.

– Здравствуй, Гена! – широкоплечий высокий чеченец с густыми бровями и холодным, пронизывающим взглядом протянул для приветствия руку. – Все готово?

– Я открыл вход в подвал, включил свет, – едва слышно пробормотал Геннадий Леонидович, рассеянно пожимая плечами.

– Когда твой Свергун приедет? – посторонившись, чтобы дать возможность своим помощникам проташить в двери парня, задал чеченец следующий вопрос.

– Примерно через час, – чувствуя, как от страха холодеет спина, выдавил Акутин.

Оставив пьяного в тесном и забитом разным ненужным хламом чулане, чеченцы хозяйски осмотрели комнаты. Спустились в лабораторию.

– Отрава здесь? – спросил один из них, ткнув пальцем в сейф.

Вместо ответа Акутин издал похожий на бульканье звук и странно повел головой.

– Хорошо, – чеченец потер руки. – Встречай своего гения.

Оставшись один, Геннадий Леонидович медленно опустился на табурет у стены. Взгляд его сделался отрешенным, словно только что на его глазах пропала какая-то очень ценная вещь и ее уже никак невозможно вернуть.

Не прошло и десяти минут, как наверху хлопнула входная дверь. Акутин вздрогнул и побледнел. Послышались шаги. Заскрипели половицы, издавая звук, от которого по спине побежали мурашки.

– Давно ждешь? – невысокого роста, с остатками седых волос над ушами, профессор снял с себя старенькое пальто и повесил на вешалку под лестницей. Потирая руки, прошел к столу.

– Только что приехал, – отводя взгляд в сторону, ответил Геннадий Леонидович, немея от страха.

– Когда же мороз ударит? – ничего не подозревая, сокрушенно вздохнул Свергун. – Так через пяток лет, глядишь, зимы совсем не будет.

«Господи, что я делаю!» – боковым зрением наблюдая за суетой Свергуна, подумал Акутин.

Наверху, за шкафами, притаились Каха и Адлан. В небольшом чулане спал пьяный и накачанный транквилизаторами неизвестный строитель из Молдовы, которого чеченцы выловили на одном из вокзалов еще накануне, предложив поработать на строительстве коттеджа. А здесь, рядом, профессор, который даже не подозревает, что живет последние минуты! Похоже на сон.

– Что с тобой? – Свергун надел фартук и заглянул в глаза своему помощнику. – Не заболел?

– Погода дрянь, – нарочито громко ответил Акутин. – Дайте ключи от сейфа.

Профессор протянул связку и развернулся к стеллажам.

Свергун что-то еще говорил, но Геннадий Леонидович не слышал. Он не сводил взгляда с лестницы, на которой уже появились осторожно ступающие ноги бандитов.

– Кто это? – удивился Сергей Степанович, когда в подвал прыгнул Каха.

– Гринпис! – оголив ряд крепких зубов, улыбнулся чеченец и направился вокруг стола к профессору. – Пришли ругать тебя за то, что бедных животных мучаешь.

Отшатнувшись от него, Свергун налетел спиной на Акутина. По инерции тот обхватил его руками. Появился Адлан. Он приблизился к ученому с другой стороны.

– Кто вы такие и что здесь делаете? – слабым голосом потребовал объяснений Свергун. – Гена, отпустите меня сейчас же!

Акутин разжал руки. Действительно, чего это он? Никто и не требовал, чтобы он вмешивался.

Чеченцы схватили доктора с двух сторон и повалили на пол. Один вынул свободной рукой из кармана полиэтиленовый пакет. Надели его на голову ученому, обернули вокруг шеи скотч.

Свергун стал дергаться, подтягивая ноги к животу и резко отбрасывая их назад.

– Сядь сверху! – скомандовал оцепеневшему от страха Акутину Каха. Его лицо было красным от напряжения. По лбу катился пот.

Словно во сне Геннадий Леонидович выполнил команду.

Несмотря на тщедушный вид, профессор долго сопротивлялся.

– Жалко, прирезать нельзя! – прошипел напарник Кахи Адлан.

Когда все было кончено, Каха снял скотч и убрал с головы убитого пакет.

– Где отравы? – он выжидающе посмотрел на Акутина.

Медленно, не сводя взгляда с расprostертого на полу тела, Геннадий Леонидович подошел к сейфу и достал ключи. Загробно скрипнули массивные двери.

– Открывать нельзя, – показав взглядом на деревянный чемоданчик, стоящий внутри, едва слышно проговорил Акутин. – Иначе любое излучение может активировать состав. Он в специальном контейнере.

– Знаем, – грубо оттолкнув его в сторону, Каха вынул чемодан. – Тащите сюда этого молдаванина.

Спустя десять минут подвал был залит бензином. На полу, рядом со стеллажами, лежали два человека. Один – доктор Свергун, второй – тот, кто совсем скоро должен был стать обгоревшим трупом Акутина.

* * *

Убаюкивающий шум реактивных турбин на какое-то мгновение оборвался, словно отстав от самолета, и тут же, повысившись на октаву, вновь нагнал пузатый фюзеляж серебристого «Ила», заполнив салон уже тревожным свистом. Начали снижаться.

Впервые за все время перелета Антон Филиппов посмотрел в иллюминатор. После двух суток в заснеженной пустыне, проведенных без сна, яркий свет вызывал резь, словно в глаза попал мелкий песок, от которого всякое движение век причиняло боль. Глядя сквозь разрывы свинцовой ваты облаков на проплывающий внизу подмосковный лес, рассеянный автострадой, он не мог поверить, что все позади. Воспаленный мозг уже перестал требовать отдыха, поддерживая сознание в каком-то взвешенном состоянии. Антон не мог толком понять, спал ли он. Были какие-то яркие и быстро меняющиеся видения, обрывающиеся от внутренних толчков, похожих на те, что испытывал во сне в детстве. Он где-то слышал, будто это на мгновение останавливается сердце.

В течение почти целой недели две группы спецназа испытывали на прочность подобно автомату Калашникова. Их разогревали, замораживали, валяли в грязи, заставляли карабкаться в горы и падать с высоты. За это время дважды пересекли пять часовых поясов.

Такие тренировки давно не проводились. Война в Чечне и нехватка средств с начала девяностых не позволяли перебросить людей сначала в Африку, затем на лед Арктики. По жаре,

затем в холоде совершили многокилометровые марши, а сегодня утром штурмовали скалы на учебном центре под Пятигорском. Экстрим выдержали не все. В соседней группе два офицера остались в госпиталях с перспективой вернуться оттуда уже в войска. Один, согласно медицинской терминологии, получил переохлаждение, его товарищ в Алжире сломал голень.

– Ну что, подполковник, – толкнул Антона в бок генерал Глов, – после такой встряски не появилось желание перейти на более спокойную должность?

Антон развернулся на тянущемся вдоль борта сиденье в сторону Глова.

Генерал отвечал в ГРУ за физическую подготовку офицеров спецназа. Невысокий, в зимней куртке, застегнутой на последнюю пуговицу, и шапке он походил на колобка. В свои неполные пятьдесят не курил и в любую погоду имел здоровый цвет лица.

– Рано вы меня списываете, – Антон хотел улыбнуться, но боль в потрескавшихся губах не дала этого сделать.

– Ладно, – Глов хлопнул его по плечу, словно извиняясь. – Это я так.

На всех этапах генерал лишь отправлял и встречал группы, перемещаясь на вертолете от одной контрольной точки в другую, вместе со своим помощником, майором, полной его противоположностью и по росту, и по комплекции. Скрупулезно заполняя таблицы, различные графики с временными результатами и данными о здоровье, эти два экзаменатора изрядно помотали нервы спецназовцам, большинство из которых впервые проходили подобное испытание. Многие офицеры до того свыклись с постоянными командировками на Кавказ, что уже считали это чуть ли не основной своей работой. Однако подлинные задачи подразделений на самом деле должны быть далеки от тех, которые приходилось выполнять последние десять лет. Спецназ ГРУ, созданный во времена «холодной войны», предназначался для обнаружения и уничтожения штабов управления НАТО, совершения диверсий в отношении предприятий повышенной опасности, атомных станций, транспортных узлов на территории противника, ликвидации руководителей государств. Группы имели в арсенале оружие самого широкого спектра – от ножей до автономных ядерных мин.

Антон невольно посмотрел на Волкова. Крепко сложенный, с виду добродушный капитан с карими глазами по штату являлся переносчиком «АЯМ-32». На этой тренировке ему досталось больше всех. По требованию Глова он вместо «ядерного чемоданчика» таскал на себе его муляж. Несмотря на то что власти Алжира запретили разведчикам привозить с собой боевое оружие, даже при совершении марша по Сахаре они перли на себе груз, равный по весу тому, который придется брать в тыл противника в реальной обстановке. Ноша Волкова весила тридцать два килограмма плюс полная выкладка разведчика-диверсанта. Сам он в шутку говорил, что за плечами несет одиннадцать груженных железнодорожных вагонов. В пересчете на тротильный эквивалент это было примерно так.

Сейчас Павел спал, уронив голову на грудь. В отличие от своих товарищей, которые зашевелились, протирая глаза и беспрестанно глотая слюну, его несколько не беспокоило начавшееся снижение.

Самолет качнуло. Звук двигателей стал еще надрывней. Они словно затормозили в воздухе.

Поднялся со своего места Василий Дорофеев по прозвищу Дрон. Уперев руки в поясницу, прогнулся. Затем, увидев, что Антон смотрит на него, улыбнулся и присел рядом, с опаской покосившись на генерала:

– Чувствую, сейчас только с рампы сойдем, а Родимов с очередной вводной, типа «нырнуть в канализацию на аэродроме, выйти у ГУМа».

– Не каркай, – Антон посмотрел на Василия.

Дорофеев был одного с ним роста и комплекции. Смуглое лицо, волевой подбородок. Во взгляде всегда спокойствие и уверенность. Капитан закончил в свое время общевойсковой институт. Был мастером спорта по офицерскому многоборью.

Самолет загудел. Несколько раз заметно трянуло, и все как один отклонились сначала назад, потом вперед. Мелко завибрировал корпус. Сверху прямо на лицо упала капля воды.

– Сели! – засуетился Глотов, перекладывая на коленях папки с документацией.

Вопреки предположению Дрона, рампу не опустили. Летчики справедливо посчитали, что тридцать человек могут сойти и по приставленному к боковой двери трапу. Слишком много чести. Из-за горстки каких-то суперменов гоняли самолет, предназначенный для перевозки и десантирования почти пятисот человек.

По взлетке мело поземку. Снег, летящий на фоне бетонных плит, походил на клочья белых клубов дыма.

Антон сразу увидел Родимова. Придерживая рукой папаху, Федор Павлович спешил к толпившимся рядом с трапом спецназовцам.

– Несут черти сатану! – сокрушенно вздохнул Дрон. Он никак не мог избавиться от мысли, что Родимов задумал загнать их в гроб.

Сухощавый генерал со слегка заостренным носом и умным взглядом возглавлял отдел планирования и проведения специальных операций. В свое время Федор Павлович начинал, подобно Дорофееву, с должности разведчика-диверсанта.

– Становись! – скомандовал Антон.

Пробежав взглядом по шеренге спецназовцев, он набрал полные легкие воздуха:

– Равняйся! Смирно! Равнение на...

– Отставить равнение. Вольно! – щурясь от встречного ветра, Родимов, наконец, добежал до Филиппова. – Здравствуйте. Разойдись!

Генерал снял перчатку и протянул руку, изучающе заглянув в глаза, словно пытаясь понять, тот ли перед ним человек, который оставил неделю назад Москву.

– Да я это, – повеселел Антон, отвечая на рукопожатие. – Неужели неузнаваем стал?

– Чего ты? – не понял генерал и тут же сделал предупреждающий знак рукой спешащему с докладом командиру второй группы. – По плану! – Снова развернулся к Антону: – Сейчас, прямо отсюда, со мной поедешь.

Антон сокрушенно вздохнул и развернулся к разведчикам:

– Майор Мишенев!

– Я! – выпрямился сидевший на корточках рядом с рюкзаком похожий на квадрат офицер с голубыми глазами под выгоревшими на солнце бровями и массивной челюстью.

– Остаешься за меня, – Антон с тоской посмотрел вслед генералу, который уже направлялся к служебной «Волге», стоящей на краю летного поля, у ограждения, и вновь перевел взгляд на Максима Мишенева. – Убываете в учебный центр. Проконтролируй сдачу оружия и снаряжения.

– Потом домой?

– Ждете моего звонка, – уже на ходу ответил Филиппов, нагоняя Родимова.

За свою службу в ГРУ у Антона уже появились собственные приметы, в которые он верил, подобно старикам из глухих деревень, определяющим по вечерней зорьке, какой будет следующий день, или по погоде на Спас делающим прогноз на целое лето. Если Федор Павлович приезжал на аэродром для встречи группы из командировки, при этом игнорируя всяческие построения и разбор, и сразу забирал с собой командира – значит, поступила очередная вводная, которую в ближайшее время предстоит отрабатывать. Причем это не Чечня. Она уже приелась, к работе там относились как будничному делу, чему-то само собой разумеющемуся. Здесь пахнет головоломкой далеко за пределами России.

– Устали? – дождавшись, когда Антон усядется на заднее сиденье, зачем-то спросил Родимов. В глазах озорные огоньки. Замер в ожидании ответа на глупый вопрос.

Машина, мягко урча, тронулась, подрагивая на стыках бетонных плит.

– Да ну! – Антон снял шапку и положил ее на колени. – Зря время убили. Разве это экстрим? Больше в самолете проспали.

Генерал задумчиво посмотрел из-за спины водителя на дорогу, словно переваривая услышанное. Антон про себя усмехнулся. Какой вопрос, такой и ответ. Родимов прекрасно знает, что легким это путешествие не назовешь. Не с неба свалился. Во времена своей молодости сам не раз в такие эксперименты попадал.

– Раз отдохнули, – генерал облегченно вздохнул, словно Антон помог ему на что-то решиться, – значит, завтра новая задача. А то я хотел вам передышку устроить...

– Да вы что? – Антон всерьез испугался. – Я же шутя. Чуть не сдохли в этой Сахаре. В Арктике вообще, думал, если вернусь, уволюсь. Без акклиматизации... Перепад температур почти сто градусов!

Федор Павлович снял папаху, обнажив седую голову:

– В следующий раз так не шутя.

– Вы тоже, – пробурчал Филиппов.

Разговор продолжили уже на даче шефа, куда Антон зашел только после того, как час провел в небольшой деревянной бане, расположенной среди сосен на заднем дворе. У Родимова была уже взрослая дочь, но он никогда не скрывал, что всегда мечтал о сыне. Может, потому Федор Павлович и к Антону относился, как к родному, прощая редкие вольности диверсанта. Антон отвечал взаимностью. Прежде чем ехать домой, в Москву, с аэродрома приезжал к генералу, который встречал все группы. Здесь он и переодевался в нормальную одежду, хранившуюся в отдельном шкафу на втором этаже.

Галина Андреевна, супруга Родимова, накрыла стол в гостиной и ушла, оставив мужчин одних.

– В Академии наук переполох, – отправив в рот несколько ложек наваристого борща, заговорил Родимов. – В Москве и Новосибирске в течение полугода убито четверо ученых.

– Их объединяла тема, над которой они работали? – насторожился Антон.

– И да, и нет, – Родимов выдержал паузу. – Все в разное время занимались обороной, однако специализация совершенно разная.

– То есть физики и, к примеру, биологи? – уточнил Антон.

– Угу, – генерал кивнул. – Основная версия следствия – убийство с целью ограбления.

– Может, случайность? – Антон опустошил тарелку и, отодвинув от себя, принялся за второе.

– Неубедительно, – покачал головой Родимов. – К тому же ни для кого не секрет, что зарплата у них мизерная. Здесь дело в другом. По странному стечению обстоятельств, все жертвы преступлений являлись руководителями, с точки зрения их коллег, «бесперспективных» проектов.

– Это неудивительно для научного мира. Постоянно грызутся, и каждый считает себя гением. Хоть что-то их объединяло? – Антон дождал котлету и выжидающе уставился на Родимова. – Студенчество, общие знакомые? Может, тоталитарная секта?

– Да, – отложив вилку в сторону, генерал откинулся на спинку стула. – Еще их проекты не финансировались.

– Как это? – удивился Антон. – И здесь не вижу связи. Сейчас вся наука на голодном пайке.

– Каждый из этих людей считал, что стоит на пороге великого открытия, которое изменит тактику современной войны. Например, доктор Толмачев из Новосибирска работал над установкой, при помощи которой на какое-то время можно свести с ума население небольшого города. Второй гений пытался создать вирус, поражающий иммунную систему только определенной расы.

– Понятно, – Антона, несмотря на интересный разговор, страшно клонило в сон. – Мы здесь при чем?

– Два дня назад на своей даче погибли от огня доктор наук Сергей Степанович Свергун и его ассистент Акутин. Эти алхимики создали – по крайней мере, так говорят их коллеги – подарок для террористов.

– Интересно, – Антон зевнул и мельком глянул на часы.

– До того как было наложено вето на разработки химического и бактериологического оружия, Свергун занимался веществами, меняющими свою структуру под воздействием электромагнитных полей. Несколько лет назад программу закрыли, и он ушел в народное хозяйство, где занялся отравой для крыс, – следя за выражением взгляда Антона, Родимов взял со стола салфетку и вытер губы. – Как известно, эти грызуны, подобно тараканам, очень быстро привыкают к любой гадости. Совершенный еще сегодня яд завтра для них уже безопасен. Причем, обнаружив пищу, они не едят ее сразу. Для этого у них есть животные, которые пробуют.

– Я слышал об этом, – устало вздохнул Антон.

– В общем, Свергун синтезировал препарат, который при попадании в организм не причиняет вреда, пока не подвергается воздействию электромагнитного поля, и собирался травить им крыс. Под землей, где они обитают, много силовых кабелей.

– Не понимаю, к чему вы клоните? – Антон потер лоб, стараясь сосредоточиться. Лицо генерала то и дело расплывалось, а смысл сказанного доходил с трудом.

– Эта гадость не имеет ни цвета, ни запаха, – не обращая внимания на состояние Антона, продолжал Родимов. – Нет и оборудования, которое могло бы ее быстро распознать.

– Значит, если минералкой, заряженной этим веществом, напоить, скажем, водителя автомобиля, то, стоит ему проехать под линией электропередачи – и он не жилец?

– Да, – облегченно вздохнул генерал. От его внимания не ускользнуло состояние подопечного, и он поначалу опасался, что тот не понимает, о чем речь. – Только смерть наступает через пять-шесть суток. Ухудшается свертываемость крови, и разрушаются стенки сосудов.

– Значит, я не сразу оценил возможные последствия, – Антон поднял глаза к потолку. – Электрифицированная железная дорога... Можно продавать на станции воду и лимонад с этим веществом. В результате, пока пассажиры того же владивостокского поезда доберутся до места...

Он хмыкнул. Сон как рукой сняло.

– А сколько людей выйдет или, наоборот, займет в нем места за шесть дней пути? – сказал генерал.

– Много, – протянул Антон. – К тому же не в один только поезд она попадет...

– И заметь, – генерал поднял палец, – это не единственный вид транспорта.

– А почему, собственно, мы взялись за пассажиров? – Антон сделал удивленное лицо. – Да любой человек подвергается риску наглотаться этой дряни, а потом, к примеру, воспользоваться сотовым телефоном.

– Пока известно, что это вещество становится активным в электромагнитных полях, подобных тем, которые образуются вблизи линий электропередачи и железных дорог, – Родимов отодвинул тарелку и оперся о стол локтями. – По крайней мере, в институте Свергун говорил об этом. На какие диапазоны частот еще реагирует его гадость, неизвестно. Над проектом он работал во внеурочное время у себя на даче.

* * *

Две недели, проведенные в загородном доме, расположенном недалеко от Познани, показали Акутину вечностью. Он думал, что убийство Свергуна и отъезд за границу – это самое страшное испытание и оно осталось позади, но здесь столкнулся с новыми проблемами.

В течение нескольких дней его новые хозяева оборудовали в одной из потайных комнат химическую лабораторию, куда по составленному Акутиным списку были привезены все необходимые реактивы и приборы. Сюда же доставили и сконструированную Свергуном установку. Каково же было удивление Акутина, когда не удался десятки раз виденный им опыт, в результате которого получалось вещество. Сначала он воспринял это как закономерную случайность, вызванную ошибкой при взвешивании реагентов. Однако и остальные попытки не увенчались успехом. Тогда у Геннадия Леонидовича возникли сомнения в качестве привезенного чеченцами материала. По его просьбе все необходимое было закуплено еще раз, доставлено из других мест. Но и на этот раз ничего не вышло. Он снова и снова повторял эксперименты, с точностью до сотых грамма отвешивал компоненты, до секунды выдерживал температурные режимы, однако результат был прежний – нулевой.

В конечном итоге Геннадий Леонидович понял, что профессор попросту не до конца посвятил его в свои секреты. От отчаяния и страха он потерял сон. Ежедневно появляющийся Нурпаши Аджимуратов, сорокалетний, угрюмого вида чеченец со сросшимися на переносице бровями и крупным носом, все подозрительней относился к его объяснениям по поводу несоответствия химикатов и качества оборудования.

Сегодня Нурпаши, вопреки своему обыкновению, не пришел в подвал. Молодой чеченец по имени Сиражеддин провел химика перед обедом на второй этаж дома в просторный кабинет «руководителя проекта», как про себя окрестил Акутин кавказца.

– Я скормлю тебе все эти порошки и заставлю запить кислотой, если через неделю ты не представишь мне то, что обещал! – чеченец говорил спокойным голосом, сидя в большом кожаном кресле. На его подлокотнике устроился знакомый еще по Москве Адлан.

Акутин, немея от страха, стоял напротив, теребил, словно провинившийся школьник, большим и указательным пальцами брючный шов.

За окном был пасмурный и хмурый день. Голые, мокрые от непрекращающегося дождя ветки деревьев заглядывая в комнату, то и дело вздрагивали от порывов ветра.

– Я делаю все, что в моих силах, но...

– Какое «но»! – взревел Нурпаши. Вскочив, он замахнулся. Геннадий Леонидович отшатнулся, потерял равновесие и упал спиной на небольшой столик.

– Я все сделаю! – закрывая руками голову и корчась на полу среди обломков, завопил Акутин.

На шум в комнату заскочили Сиражеддин и Каха.

– Все нормально, – брезгливо морщась, махнул рукой Нурпаши в сторону своих помощников. – Отведите его обратно и никуда не выпускайте. Я определил ему время. Если не управится, лично отрежу голову. Только перед этим буду долго мучить. Слышишь! – он резко наклонился над несчастным химиком. – А теперь пошел вон!

Нурпаши специально говорил со своими помощниками на русском, чтобы химик понял – с ним не шутят.

– Послушай, – тихо заговорил Адлан, после того как Акутина увели. – В Москве, рядом с дачей профессора, мы спрятали почти литр этой отравы. Если верить русскому, ее достаточно, чтобы отправить на тот свет целый город.

– Я не хочу город, – гневно сверкнув глазами, прорычал, усаживаясь на свое место, Нурпаши. – Мы зальем ею все! Нам нужна вся эта страна!

– Акутин говорит, что на производство ста... – Адлан замолчал и наморщил лоб, пытаясь вспомнить нужное слово.

Это вызвало на лице Нурпаши улыбку.

– Миллитров, – подсказал он.

– Да, – смутившись, закивал чеченец, – нужно несколько месяцев.

– А никто не говорит, что мы приступим к операции немедленно, – Нурпаши покачал головой. – Нам нужно лето. Жаркое и сухое. Мы выбросим на рынки десятки тысяч бутылок самых разных напитков, заряженных «мертвой водой». В России, с ее неконтролируемым производством поддельных продуктов, это очень легко сделать.

– Тебе не кажется, что Акутин, узнав о наших планах, испугался и теперь обманывает нас? – неожиданно спросил Адлан.

Этот вопрос застал Нурпаши врасплох. Не сводя взгляда со своего помощника, он медленно поднялся и подошел к окну.

– Ты допускаешь, что он ломал здесь комедию? – немного подумав, он развернулся к Адлану.

– Вполне возможно, – Сикоев растерялся. Он не ждал, что его предположение может оказать такой эффект на босса.

– А что, – Нурпаши задумчиво потер подбородок, – это надо проверить.

– Разреши мне побеседовать с ним, – в глазах Адлана появился недобрый огонек. – Поверь, я знаю такие способы разговорить человека, у самого мурашки по коже бегут.

– погоди торопиться, – нахмурился Нурпаши. – Мы поступим по-другому.

– Как? – удивился Адлан. – Кроме него, никто не знает этой тайны.

– А ее и не надо знать, – усмехнулся Нурпаши. – Существуют записи профессора Свергуна. Разные там формулы, – уточнил он, увидев недоумение в глазах помощника. – Любой химик может это проверить.

– Где ты хочешь взять такого человека?

– В Познани есть политехнический институт, – он загадочно посмотрел на Адлана. – Надо найти специалиста среди преподавателей и привезти сюда.

– А если он не согласится работать? – удивился чеченец.

– Поляки тоже люди, – хмыкнул Нурпаши. – И почему ты решил, что я буду спрашивать, хочет он или не хочет?

– Нам опасно иметь конфликты с этой страной. Она нам помогает. Варшава предоставила сайт в Интернете. Мы печатаем в их типографиях свою литературу. Здесь даже увековечили память Лече Дудаева.

– Надо сделать все так, чтобы никто и подумать не мог, что ученый пропал по нашей вине. Чем Польша лучше России? Как бы они к нам ни относились, имей в виду: эти люди не мусульмане, а значит, враги.

– Тогда у меня есть план, – на секунду задумавшись, заговорил Адлан. – Надо прямо завтра с утра направить в институт Ядвигу.

– Кто это? – удивился Нурпаши, пытаясь вспомнить, где он слышал это имя.

– Шлюха, – коротко и лаконично объяснил Адлан. – Работает курьером. Возит в Германию наркотики. Долго жила с Кахой.

– Я вспомнил, – наконец задумчиво протянул Нурпаши. – Только опасно. «Дурь» – это одно, когда убивают – совсем другое. Испугается, может кому-нибудь рассказать.

– Ей нужно будет только разыскать необходимого нам человека, – возразил Адлан. – А для чего, говорить не будем. Потом она умрет. Искать ее все равно некому.

– Хорошо, – немного подумав, согласился Нурпаши. – Только будь осторожен. Никто не должен видеть тебя рядом с ней.

После того как Адлан ушел, Нурпаши вновь развернулся к окну. Дождь прекратился, но небо по-прежнему оставалось свинцовым. На его фоне не было видно ни облаков, ни просветов. И все же погода в Польше была намного лучше английской, где Нурпаши Аджимуратов провел больше семи лет, да и жившие там соотечественники разительно отличались от тех, с которыми он столкнулся здесь. Туманный Альбион менее доступен малообразованным и неотесанным чеченцам, чем страны бывшего социалистического лагеря с их размахом пре-

ступности. Всех бандитов из республик распавшегося Союза, независимо от национальности и вероисповедания, местные, гребя под одну гребенку, называли русской мафией, что веселило Нурпаши. Сам он был далек от криминала. Сразу после школы Нурпаши уехал из Грозного в Ростов, где окончил сельскохозяйственный институт. Спустя некоторое время перебрался в Москву. Когда русские войска вошли в родной город, он вернулся обратно. Несколько лет воевал. Пригодились навыки и знания командира минометного расчета, приобретенные в период службы в армии. Там же в январе девяносто пятого встретил своего бывшего командира взвода, который воевал по другую сторону баррикад и уже стал майором. Тогда он отпустил попавшего в плен офицера. Сейчас бы этого уже ни за что не сделал. Затем ранение. Дядя, живший в Санкт-Петербурге, организовал лечение в Латвии. После этого Нурпаши было предложено место помощника секретаря в «Конгрессе чеченского народа». Он переехал в Лондон. Занялся изучением английского языка и с легкостью его освоил. Поступил в Оксфорд. Стал экономистом.

К этому времени война вышла за пределы Ичкерии, охватив весь земной шар. Мусульмане всего мира объединились для борьбы с неверными. Стало выгодно заниматься терроризмом. За это хорошо платили, причем огромные суммы денег перечисляли не только богатые приверженцы ваххабизма и халифата. Спецслужбы многих стран использовали террористические организации в своих целях. Ведя борьбу с терроризмом на собственной территории, они всячески способствовали ему у своих соседей. Кроме денег, эта деятельность приносила славу.

В начале лета Нурпаши возглавил группу ликвидаторов, работающих с «Инвест XXI век». Компания занималась финансированием перспективных разработок в России с условием права пользования результатами открытий и изобретений. Но это только для непосвященных. На самом деле под вывеской «Инвеста» существовала хорошо законспирированная организация по вербовке ученых, работавших в сфере оборонных заказов или близких к ним. Ее филиалы были в Москве и Новосибирске. Детище довольно известных в мусульманском мире людей курировал Аль Хусейн. Нурпаши хорошо знал этого человека. Мечтой араба было создание собственной материально-технической базы для производства оружия массового поражения.

Глава 2

Это утро ворвалось к Антону со звонком в дверь. Не открывая глаз, он пощупал рукой справа от себя. Регины не было. Постель уже успела остыть. Прислушался. В квартире тихо.

Снова позвонили. Уже более настойчиво.

Чертыхнувшись, он сел и посмотрел на часы. Был полдень. Сон как рукой сняло. Накануне пообещал с утра отвезти жену в офис, но, понадеявшись на привычку рано вставать, не поставил будильник. В результате проспал. Значит, Регина на работе, сын в садике.

Сунув ноги в тапочки и накинув халат, направился в прихожую. Глянув в «глазок», удивленно хмыкнул. На площадке стоял Вахид Джабраилов со своим неразлучным другом Шамилем Батаевым.

Всего в группе было трое чеченцев. Но Иса Батаев, родной брат Шамиля, жил отдельно, на другом конце столицы. Подвижный, больше напоминающий темпераментом подростка, старший лейтенант состоял в гражданском браке с какой-то медсестрой.

Антон впустил гостей.

– Чего не отдыхаете? – спросил он осипшим голосом, едва поздоровавшись. – Проходите.

Внешний вид угрюмого Вахида насторожил Филиппова. Он был выше Шамиля и шире в плечах. Окинув Антона изучающим взглядом из-под густых, сросшихся на переносице бровей, Джабраилов потер массивный, отливающий синевой подбородок.

– Да мы, командир, на минуту.

С этими словами он вынул из папки, которую ему услужливо протянул Шамиль, стандартный листок бумаги.

Антон едва сдержал улыбку. Судя по всему, визит вызван какой-то проблемой у Джина, так окрестили в группе чеченца, а документы, словно ординарец, носил Шамиль, за которым закрепилась кличка Шаман. Строгие законы гор – это почти как воинский устав. Здесь свои старшие, особую роль играет возраст, соответственно распределены и обязанности.

Антон пробежал листок взглядом. Почерком пьяного первоклассника был написан рапорт на отпуск.

Он поднял взгляд на Вахида:

– Ты месяц назад был дома.

Тогда группа работала на Кавказе и на время командировки разместилась прямо в комендатуре родного села чеченцев.

– Командир, – Вахид покачал головой, – я хочу в законный отпуск, положенный мне, как любому гражданину.

– Ничего не имею против, – поспешил его успокоить Антон. – Только у тебя здесь что написано? – он развернул лист текстом к майору и ткнул в его нижнюю часть пальцем: – Отпуск буду проводить по адресу... Ну, читай!

– Разве я не могу съездить на родину? – лицо чеченца вытянулось от удивления.

– Можешь, – подтвердил Антон. – Только после того, как там все успокоится, а мы будем уверены, что тема Кавказа закрыта. Мне снова напомнить, кто ты?

– Мне теперь до пенсии домой нельзя? – Вахид растерялся.

– Еще когда вы только пришли в отряд, я вам сказал: перевозите семьи в Москву. Было такое? – он выжидающе уставился на Джина. – ГРУ не войска, и квартирами вас обеспечат в недельный срок. Вы что ответили? Никто не знает, что мы работаем здесь, и нашим семьям ничего не угрожает.

– Я тогда не подумал насчет отпуска, – расстроился Вахид. – Как же теперь быть?

– Никак, – Антон вернул ему рапорт. – Во-первых, в следующий раз подобного вида документы, где указана моя должность и фамилия, попрошу подавать в учебном центре, а

не таскать по городу. Во-вторых, отпуска отменяются в связи с новой задачей. Чай, кофе? – неожиданно сменил он тему разговора.

– Спасибо, но мы пойдем, – Вахид смял листок. – Извини, что разбудили.

– Да нет, это как раз вовремя.

Закрыв за чеченцами дверь, Филиппов принял холодный душ и быстро перекусил оставленным на плите завтраком. Спустя полчаса, одетый в кожаный плащ поверх свитера, он уже поднимался по ступенькам прокуратуры Восточного округа.

Делом по факту гибели Свергуна и Акутина занимался майор юстиции Морозов Иван Дмитриевич. Следователь встретил Филиппова недружелюбно. Как и было оговорено с Родиновым, Антон шел на контакт с Морозовым под видом сотрудника Военной прокуратуры. Поводом для встречи была якобы начатая его ведомством за неделю до трагического случая проверка деятельности погибшего профессора.

– Вот и брали бы себе на здоровье дело в производство, – с раздражением в голосе бубнил наполовину лысый, с оттопыренными ушами очкарик, копаясь в сейфе. – Институт работает на оборонку, а вы на нас все свалили.

– Ну, допустим, я так же, как и вы, не занимаюсь решением этих вопросов, – усевшись на стул, расположенный по другую сторону стола с компьютером, ответил Антон.

Морозов наконец вытащил дело и протянул через стол «коллеге»:

– Здесь будете работать?

– А вы хотите мне его дать? – хмыкнул Антон.

– Можете пройти в комнату для адвокатов, – пояснил майор. – Через полчаса у меня запланирована встреча.

– Я думаю, мне хватит этого времени, – уже скользя взглядом по сухим строчкам протокола осмотра места происшествия, отказался Антон от предложения.

Усевшись за свой стол, Морозов стал что-то набирать на компьютере.

Вскоре Антон добрался до фотографий.

– Извините, что отвлекаю, – он посмотрел на следователя, – здесь на снимке обгоревший сейф. Он открыт. А у кого из потерпевших были ключи и что нашли в сейфе? Судя по следам пламени, в момент пожара он был не заперт.

– Глупый вопрос, – Морозов оторвался от экрана монитора и с нескрываемой ненавистью посмотрел на нудного гостя. – Сами же сказали – в момент пожара сейф был открыт. Выгорело все полностью.

– Так не бывает, – Антон выдержал взгляд, которым следователь пытался дать понять, что он очень занят. – Дверь массивная и большая. Если они занимались за столами, то она мешала ходить. Или он был прикрыт, а потом его распахнул кто-то из экспертов?

– Слушай, – Морозов сложил на столе руки и слегка наклонился к Антону. – Какая теперь разница. Не сегодня-завтра закроем дело и спишем в архив. Нет состава преступления, понимаешь?

– Мне кажется, вы торопитесь, – вздохнул Антон. – Я могу осмотреть личные вещи?

– Конечно, – с раздражением ответил майор и поднялся из-за стола.

Уже близился вечер, когда Антон вошел в пропахший кошками подъезд старой пятиэтажки, где до недавнего времени жил Акутин.

Двери открыла худенькая женщина в накинутом на плечи черном платке. Близоруко щурясь, выслушала заранее заготовленные для такого случая слова соболезнования, а в ответ на просьбу поговорить молча посторонилась, пропуская его в квартиру.

– Я только из бюро ритуальных услуг, – словно извиняясь, тихо проговорила она. – Отдала документы. Проходите.

– Вы вдвоем здесь жили? – оглядывая скромный интерьер комнаты, зачем-то спросил Антон, хотя заранее знал ответ.

– Пока был жив Леонид, мой покойный муж, – она смахнула наворачнувшиеся на глаза слезы скомканным в кулачке куском бинта, – и отец Геночки, – втроем.

– Геннадий был какое-то время женат? – уточнил Антон.

– Да, – всхлипнула женщина. – Развелись. Как сейчас принято говорить – не сошлись характерами.

– А я могу посмотреть его комнату?

– Пожалуйста, – она показала рукой на двери. – Только, если можно, без меня. Не могу, знаете ли, пока туда заходить...

Отчего-то ответ женщины насторожил Антона. Не смысл, а тон, которым она говорила. Он заметил, что она умышленно старается говорить тихо и как-то наигранно.

«Зачем? – удивился он. – Пытается вызвать к себе жалость?»

Здесь, на девяти квадратных метрах, стояли старенький шифоньер, двуспальная кровать, телевизор. У окна – письменный стол, рядом с которым несколько книжных полок.

Обведя взглядом корешки книг, которые в основном имели отношение к специальности покойного, Антон уселся за стол. Покосившись на двери, выдвинул верхний ящик. Стопкой лежали несколько толстых тетрадей. Он взял верхнюю. Конспекты по физике. Еще с института. Неразборчивый почерк, почти как у всех студентов. Необычный наклон букв, справа налево. Возможно, Акутин был левшой. Во втором ящике валялись какие-то записи и фотоальбом. Пролистав, он вернул альбом на место. Антон не надеялся найти здесь что-то, проливающее свет на загадочную гибель Акутина. Просто хотелось представить, что это был за человек. Пообщаться с матерью, хотя в таких случаях родители говорят только хорошее. Однако определенные выводы можно сделать, просто увидев близких и побывав в среде, где жил человек.

Судя по всему, Акутин не был баловнем судьбы. Жил более чем скромно, дополнительных источников заработка не имел. Или не хотел иметь? Антон задумался. Он вдруг поймал себя на мысли, что упустил что-то важное. Что? Неожиданно, отмотав эти десять минут пребывания в квартире назад, словно видеопленку, и заново проглядев ее в памяти, он понял, что вызвало у него непонятное чувство напряженности. Он не ответил на вопрос, к которому готовился, поднимаясь по лестнице, – чем вызван его приход. Мать Акутина его попросту не задала. Более того, она даже не спросила, с какой целью он хочет осмотреть комнату. Если ей сказали, что сын погиб в результате несчастного случая, появление следователя должно насторожить и вызвать целую кучу вопросов.

«Может, просто раздавлена горем, еще плохо соображает?» – подумал он, поднимаясь из-за стола.

Женщина сидела спиной к нему на диване и глядела в окно. Почувствовав появление в комнате человека, обернулась:

– Вы нашли что-нибудь интересное для себя?

– Он давно окончил институт, много работал, а кроме студенческих конспектов, ничего нет, – пожал плечами Антон.

– Неудивительно, – она поправила свалившийся с плеча платок. – Последнее время все вечера Гена проводил на профессорской даче. Иногда ночевал там и прямо оттуда уезжал на работу.

– Он рассказывал вам, чем они занимаются со Свергуном?

– Упоминал про какую-то отраву, – она стала теревать уголок кофточки. – Я сама химик-технолог. Даже диссертацию начинала писать. Только с этим развалом... – она махнула рукой.

– Ваш сын не говорил, почему так увлекся этой работой? Может, профессор пообещал ему деньги за помощь?

– Засиделся, – она сокрушенно вздохнула. – После женитьбы Гена окончательно забросил науку. Просто тянул ляжку. Он не относился к категории людей, которые могут трудиться на голом энтузиазме. Прошли те времена.

– Он был левшой? – на всякий случай уточнил Антон.

– Да, – она кивнула. – А какое это имеет значение?

– Я видел фотографии, сделанные после трагедии, – Антон неожиданно осекся, поймав себя на мысли, что убитой горем матери будет неприятно услышать фразу «на обгоревшем трупе часы надеты на левую руку», и тут же поправился: – На какой руке он обычно носил часы?

– Здесь, – Акутина тронула себя за запястье правой руки. – А что?

– То есть на правой? – нахмурился Антон. – А вы хорошо знаете его друзей, знакомых? Может, есть какие-то записные книжки с адресами?

– Он редко кого-то приводил домой, – немного подумав, ответила она. – Стыдился.

– Почему?

– Гена считал, что ему не повезло в жизни, – она вытерла пальцами уголки губ. – А записная книжка у него была. Но он всегда носил ее с собой.

– Среди вещей, которые находились при нем, ее нет, – осторожно напомнил Антон, зная, что ей уже предъявляли уцелевшие фрагменты на опознании.

Это были до неузнаваемости обгоревшие часы, расплавленная обложка, спекшаяся с паспортом, заклепки от куртки, фальшивая зажигалка «Зиппо» с разорванным корпусом.

– Скажите, – спохватилась Акутина, – а зачем вы все это у меня спрашиваете? Неужели есть другая версия случившегося?

Антон поднялся с дивана и отошел к окну, собираясь с мыслями. Говорить сейчас Марии Ивановне о том, что это не первый случай гибели ученых, он не собирался. Зачем зря расстраивать мать?

– Ваш сын, как и профессор Свергун, имели доступ к секретным военным разработкам. По каждому факту гибели мы проводим тщательную проверку. В истории бывали случаи, когда опытные сотрудники иностранных спецслужб организовывали не только несчастный случай, но и естественную по виду смерть. Поверьте, многие в этом преуспели.

– Бросьте! – на лице Марии Ивановны появилось что-то вроде снисходительной улыбки. – Какие секреты? Вы хотя бы знаете, сколько он получал? За такие деньги не могут человеку доверить что-то важное.

– Тем не менее мы обязаны проверить все версии.

* * *

День близился к вечеру, когда на улице Падеревского, расположенной в Старом городе Познани, появился среднего роста темноволосый мужчина с усами и небольшой бородкой. На нем был надет серый плащ, из-под которого выглядывали воротничок безупречно белой сорочки и темно-бордовый галстук. В руке он нес фетровую шляпу. Не спеша направляясь в сторону пляца Вольности, мужчина словно не замечал идущих навстречу прохожих. Погруженный в свои мысли, он несколько раз едва не столкнулся с небольшими стайками подростков, спешащих с ученическими рюкзаками домой. Впереди было два выходных, и поэтому имела место типичная для пятницы суета. Редкое в это время года солнце с тоской глядело на деревья, полностью лишившиеся своих листьев, черепичные крыши домов, остроконечные костелы и политую дождями брусчатку мостовой.

Он шел в сторону скульптуры греческой богини здоровья Гииги, установленной напротив библиотеки Рачинского. Однако его не интересовал ни уникальный пьедестал статуи, ни книги, хранившиеся в похожем на уменьшенный Лувр здании библиотеки.

Вчера по дороге домой из института доцента кафедры органической химии Владзимижа Новака неожиданно окликнула приятной наружности особа. Представившись Марией и сказав, что она из Варшавы, девушка спросила, как пройти в монастырь Босых кармелитов. Жгучая брюнетка с необыкновенно голубыми глазами и стройными ногами с ходу заинтересовала

холостяка. Впереди было несколько свободных от лекций дней, и он решил попытаться завязать знакомство. Это на удивление легко получилось. Девушка была впервые в этом городе и остановилась в относительно дешевом отеле «Топаз». Объяснив свой интерес к памятнику старины увлечением историей, она была согласна на то, чтобы сегодня он показал ей местные достопримечательности.

Времени было еще предостаточно, и он не торопился...

– А вот и клиент! – обрадованно воскликнула с заднего сиденья «Фольксвагена» Ядвига и подтянула голенище модного сапога. Одернула юбку, поправила прическу.

– Где? – после небольшой паузы спросил сидевший за рулем Сиражеддин, вглядываясь в прохожих.

– Да вон же, – перегнувшись через спинку, она показала пальцем на другую сторону площади. – Серый плащ видишь?

Полячка хорошо знала русский, но говорила непривычно быстро, отчего чеченец не сразу понимал, о чем речь.

– Ты точно уверена, что это тот, кто нам нужен? – разглядывая химика, уточнил Сиражеддин, наконец увидев ученого.

– Да, – Ядвига погладила его по плечу, словно успокаивая. – Моя знакомая училась у него. Он хороший специалист.

– Тогда иди и ничего не напутай, – кивнул он, посмотрев в зеркало заднего вида.

Девушка выпорхнула из машины, оставив после себя запах дорогого парфюма, и не спеша направилась к условному месту.

«Жалко такую самку валить!» – с тоской глядя вслед полячке, подумал Сиражеддин и завел двигатель.

План, разработанный Нурпаши, был прост. Ядвига с химиком направятся пешком до площади Мицкевича. По пути неожиданно девушка должна вспомнить, что оставила в гостинице видеокамеру. Предложив вернуться, остановит машину, в которой будет ехать Сиражеддин. Он довезет полячку до «Топаза». Она выйдет, скажет, что сейчас вернется. К химику подсядут Адлан и Каха. Дальше дело техники.

Нурпаши удалось убедить девушку, будто пропал человек, который занимался производством синтетического наркотика. Химик по образованию, он работал на нефтеперерабатывающем заводе и долго с ними сотрудничал. Никогда не подводил. Однако отправленная месяц назад партия оказалась бракованной. Все попытки выйти на него снова не принесли результатов. Либо он уехал, либо арестован. Разбираться в причинах нет времени. Нужно в срочном порядке решить вопрос о дополнительной партии как компенсации клиентам. Сроки поджимают, и необходимо найти ему замену. Нурпаши хочет предложить эту работу другому, причем за хорошие деньги. Естественно, о таких вещах невозможно говорить в городе.

Полячка понимала, что ее прибыль также зависит от успешной работы чеченцев. Знала она и то, что любой здравомыслящий соотечественник согласится на такую работу, только не все имеют достаточные знания в этой области. Поэтому она с большим энтузиазмом взялась за поиски лучшего специалиста. Когда такой человек был найден, за сто долларов Ядвига согласилась заманить его в машину.

Уже на следующий день она сумела завязать знакомство. Ничего удивительного в этом не было. Невзрачный на вид Новак был ослеплен красотой варшавянки.

Другое дело, что до понедельника нужно убрать девушку. Узнав из газет об исчезновении Владзимежа, она вряд ли будет хранить молчание. Ведь ей сказали, что сразу после разговора его отпустят.

Сиражеддин въехал в узкий переулок, образованный старинными домами. По его подсчетам, Ядвига в сопровождении химика должна уже подойти к сувенирной лавке, расположенной на первом этаже трехэтажного дома. Именно отсюда он забирает ее и клиента.

Чеченец наконец увидел полячку. Роясь в сумочке, она бросила быстрый взгляд на его машину. Как назло, позади него тащилось такси. До минимума замедлив ход, он сделал вид, будто сворачивает в проезд под домом.

Ядовито-зеленый «Фиат», обогнав, устремился вперед. Когда до Ядвиги оставалось несколько десятков метров, полячка с расстроенным видом что-то сказала своему новоиспеченному гиду и махнула Сиражеддину рукой. Он остановился.

– Пан довезет за тридцать злотых панночку до отеля «Топаз»? – скороговоркой спросила она на польском, открывая дверь и игриво глядя на чеченца.

Не дожидаясь ответа, уселась на заднее сиденье. Впрочем, ответить чеченец мог только кивком. Он с трудом понимал эту пшикающую речь и совсем не мог говорить. Следом забрался Новак. Он был спокоен. Внешний вид чеченца ничуть не смутил поляка. Это не Москва, где к кавказцам относятся с большим подозрением. Кроме того, в Польше много турок и людей других национальностей, похожих на кавказцев, они работают повсюду.

Объехав квартал, они оказались на улице, где располагался «Топаз». Каха и Адлан уже поджидали рядом с одноэтажным желтым зданием.

Немного проехав вперед, Сиражеддин остановил машину. Ядвига выскочила и устремилась к гостинице. Проводив ее взглядом, поляк сел ровно и что-то спросил. Пока Сиражеддин соображал, чего хочет пассажир, двери открылись, и тот оказался между двумя чеченцами.

* * *

Как и было оговорено с Родимовым, по истечении двух суток офицеры группы, привлеченные для проведения оперативных мероприятий, собрались у него в кабинете.

Антон с самого начала решил, что больше трех человек на начальном этапе не понадобится, и назначил себе в помощники Дорофеева и Полинцева. Каждому был определен свой участок работ и абсолютная самостоятельность. Сегодня необходимо было обобщить полученную информацию. На основании общего вывода генерал Родимов должен будет принять решение о целесообразности дальнейшей работы по теме ученых.

В общих чертах Филиппов уже знал, кто и что нарыл, и был уверен: на территории дачного кооператива произошел не несчастный случай, а самое настоящее двойное убийство.

– Начнем? – Федор Павлович оторвался от каких-то бумаг и посмотрел поверх очков на рассевшихся за столом офицеров. – Кто первый?

По своему обыкновению, генерал был одет в обычный серый костюм и галстук. Это делало его моложе и немного снимало напряжение.

Спецназовцы пришли также в гражданской одежде.

Антон кивнул Дорофееву. Василию поручалось осмотреть место происшествия, опросить очевидцев и встретиться с пожарным экспертом.

– В Дубки я выехал на следующее утро, – почему-то смутившись, заговорил капитан, словно опасаясь, что сейчас ему вменят в вину столь большую паузу с момента получения задачи до начала ее выполнения. Тем более пожар случился задолго до возвращения группы. На самом деле все было понятно – ночью там просто нечего делать. – Во время тушения вокруг все вытоптали. Даже повредили машины, на которых приехал и Акутин, и Свергун.

– Где они сейчас находятся? – спросил генерал.

– В соседнем дворе, – Дрон на секунду задумался. – Я обе осмотрел. Ничего интересного. Опрос дачников также ничего не дал. Там попросту в этот момент никого не было. Уже достаточно холодно, поэтому большинство домов пустует. С возгоранием тоже пока не все ясно. Предполагают, что произошло короткое замыкание одного из электроприборов, которых там было предостаточно. В подвале на тот момент находилось много легковоспламеняющихся жидкостей, вытяжка отсутствовала. В панике кто-то перевернул емкость с бензином. Это вер-

сия следствия, – Дрон провел по голове рукой, взъерошив бобрик пепельного цвета волос. – Я видел схему расположения комнат. В доме имелся чулан. Не понимаю, зачем нужно было спускать бензин в подвал?

– В чем он хранился? – нахмурился Родимов.

– Нашли много емкостей, – Дрон растерянно пожал плечами. – Но в них до пожара были другие вещества.

– Значит, канистр, бочек нет?

– Туда бочку и не спустишь, – Дрон, словно ища подтверждения, бросил быстрый взгляд на Антона. Накануне они уже обсуждали этот вопрос.

– Понятно, – Родимов перевел взгляд на Полинцева.

– У вас что?

Сергей Полинцев, по прозвищу Полинъ, попал в группу из бригады спецназа больше года назад. Мастер спорта по рукопашному бою наряду с прекрасными физическими данными имел феноменальную память. Кареглазый, с соломенного цвета волосами и боксерским подбородком офицер нередко поражал Филиппова оригинальностью решений и способностью быстро находить выход из любой ситуации. Обучение и служба давались ему легко. Он имел богатый боевой опыт, однако попробовать его в деле, которое требует наличия навыков оперативной работы, Филиппов решился впервые.

– Сделали рентгеновские снимки трупов, – на секунду задумавшись, заговорил Сергей. – Они говорят о том, что один из погибших, опознанный поначалу как Акутин, таковым не является.

– Поясни, – брови генерала взлетели на середину лба.

– Пять лет назад Акутин получил серьезную травму, – Сергей заглянул в лежащую перед ним папку: – Открытый перелом берцовой кости со смещением. Есть снимок, сделанный после выздоровления. Человек, который сгорел с профессором, вообще никогда не имел таких проблем.

На какое-то время в кабинете воцарилась тишина.

– А если с профессором сгорел убийца? – наконец выдвинул предположение генерал. – Вполне возможно, что Акутина также устранили, но значительно раньше. Затем, воспользовавшись его машиной, приехали на дачу. В ходе потасовки перевернули емкость и столкнули какой-нибудь прибор...

– Я с этой версией не согласен, – Антон покачал головой. – Как тогда у него оказались вещи Акутина?

– Чтобы списать все на грабеж, – генерал откинулся на спинку кресла. – Убив и ограбив лаборанта, преступник не избавился от его вещей, а сразу направился к Свергуну. Ведь предыдущие эпизоды также подстроены как убийства с целью ограбления. Кто-то очень упорно желает скрыть истинную причину всех покушений.

– Если бы это было лет тридцать назад, – Антон вздохнул, – можно было бы предположить, что таким образом пытаются подорвать обороноспособность. Сейчас, – он пожал плечами, – ума не приложу.

– Не сбрасывайте со счетов, что все эти ученые имели в разное время доступ к совершенно секретной информации, – напомнил генерал. – И в Новосибирске, и здесь, в Москве.

– Почему мы должны связывать этот случай с остальными? – неожиданно хмыкнул Дрон. – Вдруг здесь обычная бытовуха? Тот же Акутин вполне мог грохнуть своего профессора, а потом, испугавшись, заманить на дачу бомжа и, разделившись с ним, устроить пожар.

– А мотив? – Антон почесал переносицу. – Психически он был здоров. В физическом отношении, мягко говоря, недостаточно подготовлен, чтобы угрожать, пусть и с перерывом, двоих человек.

– Остается нетрадиционная ориентация, – усмехнулся Дрон. – Приехал и застал профессора с другим, – он осекся, поймав на себе осуждающий взгляд Филиппова.

– Я склоняюсь к мнению, что на даче убит Свергун, а гибель его помощника Акутина инсценирована, – заговорил Антон. – Причем в этой инсценировке лаборант по какой-то причине не участвовал.

– Почему ты так думаешь? – насторожился Родимов.

– Если бы Акутин захотел инсценировать свою гибель сам, то все продумал бы до мелочей. А так, – Филиппов окинул взглядом своих коллег и развернулся к генералу: – Сами посудите, он левша. Часы же, которые ему принадлежали, надеты на левую руку жмура. Я специально уточнил у матери, как он их носил. Кстати, судя по ее поведению и состоянию, она не сильно убита горем.

– Ребус, – протянул Дрон.

– Пока следов Акутина не найдено, будем все-таки считать его пострадавшим от рук злоумышленников, которых интересуют ученые, – генерал поднялся со своего места и, подойдя к пластиковой доске, взял из подставки маркер. – На сегодняшний день мы имеем, – он нарисовал ряд кружков, – шесть трупов. Один из них, – он поставил на последнем крестик, – никому не нужный лаборант, но, по странному стечению обстоятельств, его история – самая загадочная.

– А если бандиты сначала вышли на него, – осторожно заговорил Полинцев. – Взяли, например, у дома, вывезли в глухое место и вытрясли информацию о Свергуне. Потом убили, а труп спрятали. По дороге подобрали какого-нибудь похожего парня, напоили и привезли на дачу, чтобы, завалив доктора, выдать его лаборанта за убийцу.

У Антона эта версия вызвала улыбку.

– Зачем, в таком случае, искать человека со стороны, если есть нормальный труп самого Акутина? Грузи в багажник – и все дела.

– Надо отработать связи этого лаборанта и Свергуна, – наконец принял решение генерал. – Одновременно заняться и ранее погибшими учеными. Контакты, круг знакомых, общие интересы и наклонности. Как только найдете то, что объединяет этих людей, немедленно сообщите мне.

– Разрешите вопрос? – Антон выжидающе уставился на Родимова.

– Я знаю, о чем ты хочешь меня спросить, – генерал вернулся на свое место и сел. – Почему мы должны заниматься расследованием, которое в компетенции ФСБ?

– Да, – подтвердил Антон.

– Это инициатива нашего начальника. Наверняка смежники также заинтересовались убийствами, но до сих пор от них никакой информации не поступало, – генерал отвернулся к окну. – Что, если за всем этим стоит некая террористическая организация? Возможно, известные нам факты – лишь вершина айсберга. Никто не гарантирует отсутствие хорошо продуманных планов по овладению секретами специфических технологий. Террористы – это те же диверсанты. По крайней мере, функции одинаковые, только цели разные. Следовательно, думают они примерно как вы. Кроме того, руководство не исключает, что, если такая работа ведется, значит, уже имеется центр, в котором можно на основе теоретических знаний создавать оружие массового поражения.

– Выходит, – переваривая услышанное, задумчиво проговорил Антон, – есть вероятность, что где-то существуют подпольный институт и завод?

– Для чего тогда этим людям ученые, если, конечно, они не имеют отношения к иностранной разведке, которая, кстати сказать, так грубо не работает?

– Вы считаете, что всех погибших пытались склонить к сотрудничеству? – догадался Антон.

– По крайней мере, допускаю это.

* * *

Оказавшись между двумя мужчинами, Владзимеж резко вскочил, но тут же Каха двинул ему под ребра надетым на руку кастетом. Охнув, поляк сложился. Адлан, положив на плечо химику ладонь, с силой придавил его шею локтем.

Машина плавно отъехала от тротуара и набрала ход. Сиражеддин посмотрел в зеркало заднего вида. Никто не обратил внимания на поведение его земляков. Пара прохожих спешили по своим делам. На углу болтала о чем-то по сотовому телефону девушка.

Между тем поляк, отдышавшись и придя в себя, начал быстро говорить, морщась от боли.

– Чего это он? – спросил Адлан Каху.

Тот нагнулся к химику. Через некоторое время цокнул языком и снова откинулся на сиденье:

– Ерунда. Спрашивает, за что и куда везем.

– Вы русские? – неожиданно спросил поляк, причем без намека на акцент.

– О! – Сиражеддин едва не отпустил руль, обернувшись назад.

– За дорогой смотри! – прикрикнул на него Каха и снова наклонился к поляку: – Все нормально, пан. Скоро приедем.

– Зачем вы меня похитили? – всхлипнул Новак. – Это ошибка. Я не богатый человек!

– Ты химик? – спросил Адлан.

– Да, – не разгибаясь, поляк осторожно посмотрел на чеченца.

– Откуда знаешь язык?

– Я был на стажировке в России, – поляк сделал робкую попытку приподнять голову, но Адлан лишь сильнее надавил ему на шею. – Вы из КГБ? Я не могу знать никаких секретов!

– Приедем – разберемся, – повеселев, успокоил его Каха.

До места добрались без приключений. Глаза поляку не завязывали, он все равно не мог видеть дороги. Да и не собирались его оставлять живым.

Въехав в гараж, расположенный в подвале дома, и закрыв ворота, вытащили пленника из машины. В это время в дверях, ведущих в дом, появился Нурпаши.

Оглядев пленника придиричивым взглядом, он посмотрел на Адлана:

– Как все прошло?

– Нормально, – тот поджал губы. – Никто ничего не заметил.

– Где Ядвига?

– Поехала домой, – он отряхнул руки и привалился плечом к машине.

– Зачем я вам понадобился? – захныкал Новак.

– Знает русский? – удивился Нурпаши и с уважением посмотрел на своих подчиненных, словно это была их заслуга.

– Пока сюда ехали, выучил, – пошутил Каха.

– Значит, так, – Нурпаши уставился немигающим взглядом в лицо поляка. – Сейчас тебе будет дана схема получения одного вещества, реактивы и оборудование. Изучишь и сразу приступаешь к его производству.

– Я не имею дело с наркотиками, – выпалил поляк.

В тот же момент мощным ударом в челюсть Нурпаши опрокинул его на пол.

– Повтори, что ты сказал?

– Я согласен, – Новак затрясся.

– Ведите его в лабораторию, – чеченец слизнул языком выступившую на кулаке капельку крови и поморщился. – Я на время убрал оттуда нашего урода.

В лаборатории Новака усадили за небольшой столик в углу и сунули под нос записи.

– А он сможет прочесть? – неожиданно засомневался Адлан. – Говорить – одно...

Нурпаши сокрушенно вздохнул:

– Формулы на всех языках одинаковы.

Его сильно раздражала необразованность помощников. Из-за войны на родине они не смогли даже окончить школу. Убивать – все, чему научила их жизнь. Впрочем, для нормального существования большего и не требуется.

Некоторое время поляк сидел тихо. Чеченцы устроились на служившем месте отдыха Акутина небольшом диванчике рядом с выходом.

Наконец, оторвавшись от записей, Новак окинул взглядом заставленный оборудованием стол, словно желая убедиться, что здесь есть все необходимое для работы.

– Ты готов начать? – насторожился Нурпаши.

– Да, – едва слышно ответил химик. – Только я не могу понять, что это будет?

– А тебе и не надо, – повеселел чеченец, поднимаясь со своего места. – Сколько нужно времени?

– Попробую за ночь успеть, – на секунду задумавшись, ответил Владзимеж. – Вы потом отпустите меня?

– А зачем ты нам нужен? – вопросом на вопрос ответил Нурпаши и перевел взгляд на Каху: – Остаешься с ним до конца. Как закончит, скажешь.

Под утро Адлан и Сиражеддин вновь вернулись в город. Теперь предстояло убрать Ядвигу. Оба нередко посещали Брыльску и хорошо знали, где она живет. Девушка была без комплексов и часто удовлетворяла сексуальные потребности своих работодателей. Причем иногда делала это даже одновременно с обоими чеченцами. Поэтому появление гостей не должно было ее насторожить. На фоне начавшего светлеть неба уже можно было разглядеть остроконечные пики костелов, а в некоторых окнах домов вспыхнул свет, когда они вышли из машины в двух кварталах от нужного дома. Никто ничего не заподозрит, если она просто исчезнет. Девушка не была обременена семейными и родственными узами. Хватиться ее некому.

Адлан держал за пазухой сверток. В нем был обыкновенный мел, который он собирался выдать за наркотик. Под предлогом, что его нужно срочно отвезти в Варшаву, он попадет к ней в квартиру. Потом проводит к машине. Свой «БМВ» полячка оставляла в безлюдном дворе, где в это время ничто не помешает расправиться с ней, а затем вывезти за город. Сиражеддин остался поджидать напарника у машины.

Поднявшись по скрипучим ступенькам на площадку второго этажа старого, довоенной постройки дома, он прислушался. Было тихо. Осторожно надавил на кнопку звонка и стал ждать. Послышались легкие шаги, стихшие с другой стороны двери.

– Кто? – с тревогой заспанным голосом спросила Ядвига.

– Адлан, – словно пароль, назвал чеченец свое имя.

В замке повернулся ключ, и двери бесшумно приоткрылись.

Он проскользнул внутрь.

– Почему так рано? – испуганно зашептала полячка, запирая за ним двери. – Что-то случилось?

– Твой химик оказался очень сговорчивым парнем, – проходя в комнату, ответил Адлан. – Он сделал то, что его просили. Теперь нужно срочно отправить это в Варшаву.

– Так быстро? – удивилась девушка.

Не знакомая с тонкостями производства наркотиков, она тем не менее знала, что это довольно длительный процесс.

– Я же говорил: у нас было почти все готово, – Адлан уселся в старомодное кресло. – Оставалось только смешать.

Ядвига не включала свет, но горевшего в изголовье кровати светильника было достаточно, чтобы все видеть.

Девушка была в одной ночной рубашке, которая подчеркивала округлости тела и выпирающие соски. Волнистые волосы разбросаны по спине. Адлану очень хотелось овладеть ею, но, покосившись на быстро светлеющий квадрат окна, он пересилил себя.

– Одевайся, – поторопил он не столько из-за убегающего времени, сколько для того, чтобы она поскорее скрыла под одеждой свои прелести. Чеченец боялся, что скоро желание пересилит чувство опасности.

Полячка собралась быстро. Это даже удивило его. Спустя каких-то десять минут они уже вышли на лестничную площадку.

– Ты собрался проводить меня до Варшавы? – удивленно спросила она, когда Адлан повернул вслед за ней в проезд под домом.

Из-за охватившего его напряжения чеченец не сразу понял, что она спросила.

– А? – уставился он на нее.

– Станный ты, – протянула она, не сводя с него взгляда.

Он огляделся по сторонам. На улице по-прежнему никого. Однако его состояние не ускользнуло от внимания девушки. Она остановилась. На лице появилась тревога.

Ядвига много лет работала с чеченцами. Познакомившись с ними еще в Варшаве, где занималась проституцией, она быстро расположила к себе Адлана. Уже спустя месяц он запретил ей выходить на панель, определив для нее роль наложницы и распространителя мелких партий наркотиков. С течением времени полячке стали доверять более ответственные поручения. Она хорошо знала город, умела легко войти в доверие, с легкостью одурачить нужного человека. Особенно Адлан ценил в ней ум. За все время она ни разу не имела конфликтов с полицией. Основным источником дохода земляков Адлана были наркотики, а Польша была транзитным государством. Чеченцы до появления Нурпаши очень нуждались в подобных Ядвиге людях. По сути, они являлись связующим звеном между местным населением и чужаками. Сейчас по ее виду Адлан понял, что, кроме всего прочего, за это время она сумела узнать не только тонкости торговли «дурью», но и психологию горцев.

Остановившись, Ядвига вдруг уставилась на него округлившимися от ужаса глазами и медленно покачала головой:

– За что?

«Как она догадалась?» – опешил Адлан. Раздумывать было некогда. Он схватил Ядвигу за руку. Полячка резко присела, и в тот же момент из глаз чеченца брызнули искры, а боль, молнией пронзившая тело от низа живота куда-то к позвоночнику, сковала дыхание. Острым концом сапога Ядвига мастерски залепила ему прямехонько между ног.

Скорчившись, он присел, едва удержавшись, чтобы не упасть на бок.

– Сука!

Где-то в конце тоннеля стучали каблучки убегающей бестии. Собравшись с силами, Адлан бросился следом, на ходу вынимая кастет.

Когда он вбежал в небольшой и узкий, как пенал, двор, полячка уже уселась в машину и захлопнула за собой дверь. На ходу, скользнув взглядом по нескольким выходившим сюда окнам, он подскочил к машине и дернул за ручку. Замок оказался заблокирован. Между тем, втянув голову в плечи и отстранившись от окна, девушка вставила в замок ключ зажигания. Машина вздрогнула и завелась. Потеряв над собой контроль, он размахнулся и ударил кастетом по стеклу. Раздался страшный грохот. Одновременно полячка нажала на сигнал. Было слышно, как она закричала. В стекле появилось небольшое отверстие с неровными, острыми краями. Он попытался просунуть в него левую руку, но, ободрав кожу, снова ударил правой. Кулак с надетым на него кастетом влетел в салон и уткнулся в плечо девушки. В это время машина рванула с места. Уцепившись за стойку, Адлан почувствовал, как земля уходит из-под ног. Не видя арки, он с ужасом понял, что сейчас, оказавшись между стеной и корпусом автомобиля, разобьет голову. Взыв от отчаяния, он оттолкнулся от машины и кубарем покатился

по грязному асфальту. Когда вскочил на ноги, преодолевая боль в разбитых коленях, плече и руке, Ядвига уже вывернула на дорогу. Адлан задрал голову вверх. В одном из окон маячил силуэт. Вне себя от злости он выбежал со двора.

Глава 3

Пока основная часть офицеров группы, придя в себя после изнурительной проверки на прочность, совершенствовала свое боевое мастерство в учебном центре ГРУ, Филиппов и Дорофеев занимались изучением последних месяцев жизни погибших в Москве ученых. С этой же целью Полынцев выехал в Новосибирск.

Большую сложность в работе создавало то, что родственники убитых, измотанные допросами различных следственных органов, включая ФСБ, в штыки воспринимали появление офицеров ГРУ, которые выдавали себя за представителей уже Военной прокуратуры Московского гарнизона.

Люди, не веря в успех раскрытия преступления, неохотно шли на контакт. Почти каждая беседа начиналась словами: «Я уже все сказал» и «Мне нечего добавить». До сих пор дела не были объединены в одно. Для этого пока не было оснований. Все погибшие проживали, по закону подлости, в разных районах столицы, соответственно, и расследованием занимались разные прокуратуры. Много времени приходилось тратить на поездки из одной в другую.

Непрекращающийся несколько дней снег с дождем и отсутствие результатов ввергли в уныние.

Антон сидел в приемной декана кафедры молекулярной химии, с тоской наблюдая за полуживыми рыбками, лениво плавающими в небольшом круглом аквариуме. Сам профессор в это время читал лекцию. Оставалось совсем немного до ее окончания, когда в помещение вошла полная женщина в очках. В руке она держала какую-то папку.

– Вы к Олегу Александровичу? – спросила она грудным голосом, глядя на Филиппова поверх очков.

– Да, – Антон закинул ногу на ногу и вновь уставился на рыбок.

– Извините, – женщина нерешительно присела на краешек стула рядом, – вы надолго?

– В смысле? – не сразу понял Антон, о чем речь.

– Я только подписать бумаги, – она показала взглядом на папку. – Это не займет много времени.

– Раз торопитесь, я пропущу, – Антон нахмурился. – Только если ненадолго.

– Нет, что вы, – с ее лица исчезло напряжение. Она уселась поудобнее. – Скорее, я выйду, не успев зайти.

– Выгонит? – удивился Антон.

– Может, – она часто заморгала. – По вопросу, с которым я заявила, в основном только отрицательные решения.

– И что это за вопрос, если не секрет? – Антону наскучило сидеть, и разговор он завязал от нечего делать. – Может, я тоже его зря жду?

– Деньги нужны, – она вздохнула, одновременно окинув его изучающим взглядом, словно взвешивая в уме, а не попросить ли денег у этого мужчины?

– На какую-то работу? – уточнил он, вспомнив, что с проблемой отсутствия средств на свои разработки сталкивались все без исключения погибшие.

– А на что еще? – удивилась она. – Не на дачу же!

– Что обычно делают ученые, когда не хватает средств? – неожиданно спросил Антон.

– Ой, – она махнула рукой. – В основном работают на голом энтузиазме. Пытаются найти спонсоров.

– И как?

– Я с этим еще не сталкивалась, – она пожала плечами. – Вообще, в Москве есть организация, которая дает деньги под научные проекты. Только на условиях, которые очень ущемляют.

– Что-то вроде кредита? – уточнил Антон.

– Почему? – она хмыкнула. – Нет. Если в вашем открытии увидят пользу, то дадут безвозмездно.

– А почему бы вам сразу туда не направиться? – Антон с удивлением посмотрел на нее. – Сами же говорите: здесь ничего не светит.

– Хочется, чтобы то, что я собираюсь сделать, осталось моим, – она грустно улыбнулась. – В случае, если я соглашусь сотрудничать с «Инвест XXI век», они будут являться соавторами идеи и пользоваться правами на нее.

– Вот оно что! – Антона тема заинтересовала. Он вновь вспомнил слова генерала, что этих людей объединяет одно: все их проекты не финансировались. – А как часто туда обращаются ваши коллеги?

– Бывает, – она посмотрела на часы и вздохнула. – Что-то задерживается.

Впервые за несколько дней Антон узнал деталь, о которой никто еще не упоминал.

Разговор с деканом вышел скучный. Ничего нового он добавить не смог. Охарактеризовав Акутина как бесполезного для науки человека, он долго говорил о Свергуне. Смысл сказанного сводился к тому, что вместо решения злободневных проблем Сергей Степанович с маниакальной настойчивостью бился над созданием вещества, которое вряд ли могло принести какую-то пользу людям.

– Где он брал деньги для этой работы? – спросил Антон, когда декан закончил свой монолог.

– А бог его знает, – пожал декан плечами. – В «Инвест XXI век» ему не помогли. По крайней мере, так говорят.

– А он туда обращался? – напрягся Антон.

– Да, – декан посмотрел на часы и, взяв со стола какие-то бумаги, встал. – Если у вас все, извините. У меня снова лекция.

– Тогда последний вопрос, – Антон тоже поднялся. – Вы не могли бы дать мне адрес этой организации?

Порывшись в стаканчике письменного прибора, химик протянул визитку:

– Пожалуйста.

Едва оказавшись на улице, Антон достал сотовый и позвонил Полинцеву.

– Есть чтонибудь? – с ходу спросил он, направляясь к машине.

– Почти ничего, – устало вздохнул Сергей. – Ни общих знакомых, ни долгов. В общем, зря съездил.

– Слушай, – Антон дошел до стоянки и открыл дверь своего джипа, – проверь, есть ли в Новосибирске фирма «Инвест...

– ...Двадцать первый век», – договорил за него Полинцев. – Есть. Оба погибших в нее обращались, но денег не получили.

– Почему?

– Я был в этой конторке. Мутная она. Там подтвердили, что эти ученые у них появлялись, но их работы не заинтересовали специалистов филиала.

– Если чувствуешь, что больше ничего не нарыть, возвращайся.

Направляясь к Родимову, Антон специально сделал крюк по городу и проехал мимо загадочного «Инвеста». Офис со скромной вывеской располагался на первом этаже многоэтажки и имел общий вход со «Стройбанком».

– Что ты предлагаешь? – выслушав Антона, спросил генерал.

– В Новосибирске Полинцев уже засветился у этих инвесторов. Здесь, я думаю, этого делать не надо.

Некоторое время Федор Павлович сидел молча, переваривая услышанное. Наконец вздохнул:

– Хочешь туда пройти под видом сотрудника какого-нибудь НИИ?
– Угадали, – кивнул Антон.
– А смысл?
– Пока не знаю, – Антон пожал плечами. – Но чувствую, что есть.
– Нужно разработать легенду, – немного подумав, согласился Родимов. – Сам пойдешь?
– Да, – подтвердил Антон.
– Пока успокаивает одно: не проглядывается связь этих событий с террористами, – Федор Павлович поднялся из-за стола. – Я на обед. Не составишь мне компанию?

* * *

Нурпаши Аджимуратов вне себя от ярости метался из угла в угол гостиной. Рядом с круглым столом валялся на полу перевернутый стул.

С хмурыми и виноватыми лицами у дивана стояли Адлан и Сиражеддин. Только что они вернулись из города и рассказали, что полячке удалось от них скрыться. Более того, Адлан пытался покончить с ней прямо у дома. Повредил автомобиль. Было много шума.

– Как вы могли отпустить ее? – развернувшись лицом к виновникам и играя желваками, процедил сквозь зубы Нурпаши. – Где теперь искать эту сучку? Может, сюда уже едет полиция?

– Она не знает этого адреса, – выдавил из себя Адлан.

Его правая рука была забинтована. На левой половине лица огромная ссадина. Рубашка порвана, а штаны в грязи.

– Не волнуйся, – Нурпаши пнул ногой перевернутый стул и поднял полный ненависти взгляд на своих подчиненных, – быстро найдут.

Сегодняшний день с самого утра приносил одни неприятности. Польскому химику также не удалось получить вещество. Теперь он уже вместе с Акутиным колдовал над приборами и колбами.

– Раз такая история вышла, – успокоившись, заговорил Нурпаши, – вам оставаться больше здесь нельзя. Поедете в Россию. Заберете контейнер, который спрятали возле дачи, и испытаете этот препарат. У меня появились сомнения, что он вообще существует.

Когда Адлан и Сиражеддин вышли, он направился в лабораторию. При появлении чеченца склонившийся над пробирками Акутин побледнел. Он и без того за эти дни осунулся и похудел, теперь вообще стал похож на покойника.

Владзимеж возился с каким-то прибором. От удара Нурпаши челюсть его распухла, а глаза были красными и слезились.

С диванчика поднялся Каха. Он с вечера не покидал этого помещения. Вид у него был такой же удручающий.

– Ну что, – Нурпаши прошел к столу и оперся на него руками, – долго мне еще ждать?

– Мы в точности повторили эксперимент, – залепетал поляк. – Здесь какая-то ошибка.

– Ищите ее! – заорал вне себя от злости Нурпаши. – Чего ты на меня смотришь?

– Я... Мы... – заикаясь, залепетал Акутин, – стараемся!

– Сколько еще нужно времени?

– Мне кажется, – Акутин отвел взгляд в сторону, – это напрасный труд.

– Значит, ты умрешь прямо сейчас, – неожиданно успокоившись, вздохнул чеченец. – Больше вы мне не нужны.

От этих слов поляк попятился к стене. Звякнула выпавшая из рук пробирка. Вопреки ожиданиям, Акутин воспринял это известие без эмоций. Впрочем, он и так уже был на пределе. Больше испугать насмерть перепуганного человека невозможно.

– У меня есть предложение, – едва слышно промямлил он.

– Говори! – рывкнул Нурпаши, возвращаясь к дивану.

– Вам ведь нужно вещество, которое убивает? – с опаской посмотрев на своего польского коллегу, едва слышно пробормотал химик.

– Ну, – поторопил его чеченец.

– Я могу предложить любое, на выбор, состоящее на вооружении.

– Как это? – Нурпаши медленно сел.

– Зарин, иприт, даже синильную кислоту, – догадавшись, что его предложение заинтересовало чеченца, Акутин заговорил увереннее. – Я вижу ваши возможности и поэтому уверен в успехе. Все, что мне нужно, это ингредиенты, которые легко купить.

Уловив суть разговора, поляк не сводил взгляда с чеченца. До него наконец дошло, чего хотят люди, которые держат его в этом подвале.

– Что уставился? – прикрикнул на него Нурпаши, раздумывая над предложением.

* * *

Закончив разговор с Антоном, Полынцев убрал телефон, допил кофе и вышел из кафе. За несколько дней, проведенных в Новосибирске, он изучил материалы дел об убийстве двух работавших здесь ученых, пообщался с их родственниками и коллегами. Оба были задушены удавкой, один – в подъезде своего дома, второй – в гараже. Несмотря на то что произошло это с разрывом в месяц, следователи сходились во мнении, что совершены оба преступления одним и тем же человеком. Об этом говорили не только одинаковый способ убийства, но и обнаруженные под ногтями мужчин микрочастицы кожи преступника, которому они оказывали сопротивление. Однако это было все, что удалось установить. Следствие топталось на месте. Ни свидетелей, ни отпечатков пальцев. Ни у кого из окружения убитых не было и мотива. В связи с тем, что преступник забрал у своих жертв все ценное, включая часы, а потом при помощи найденных у них ключей проник в квартиры, где также все перерыл, дела, как и в случае с московскими потерпевшими, завели по убийству с целью ограбления. В отличие от столицы, здесь люди спокойно относились к тому, что снова требовалось вспоминать, о чем уже по несколько раз рассказывали. Возможно, сыграли роль документы сотрудника Генеральной прокуратуры и известие, что она взяла ход расследования под свой контроль. Конечно, все это было сделано с подачи Родимова, но выглядело правдоподобно.

Единственное, что насторожило Полынцева, – это встреча с представителем «Инвест XXI век». Туда он пришел выяснить, обещал ли этот фонд содействие потерпевшим. У него была версия, что, после того как ученые посетили это учреждение, злоумышленник посчитал, будто им была выплачена необходимая сумма. С целью проникнуть в дом, чтобы забрать деньги, он и пошел на преступление.

Однако представитель фонда, слащавый молодой человек, заверил, что им ничего не обещали, более того, эти люди даже не зарегистрированы у них. Придя один раз и получив справку об условиях выделения помощи, ни тот ни другой больше не появлялись. Несмотря на большой срок, почти полгода, парень прекрасно помнил оба случая.

Это противоречило рассказу супруги одного из физиков. Женщина утверждала, что муж посещал офис «Инвеста» шесть раз. Именно после этих встреч он выглядел подавленным. Однако ничего не рассказывал. Придя к выводу, что причина в отказе в финансовой помощи, она не приставала с расспросами и следователю об этом не рассказывала – не считала важным.

Сергей направлялся в гостиницу «Обь», где все это время снимал одноместный номер. Город ему нравился. В отличие от Москвы, здесь не было слякоти. Уже давно стояла минусовая температура. Люди надели меховые шапки.

Вернуться в Москву решил прямо сегодня. С билетами проблем не было. Оставалось купить жене и сыну подарки – и в путь. Он замедлил шаг, рассматривая витрины магазинов, размышляя, чем можно удивить домочадцев.

Неожиданно боковым зрением Сергей заметил идущего следом человека. Мужчина двигался примерно с той же скоростью, что и он. Сразу бросилось в глаза, что, как и Полинцев, он не местный. Не по погоде кожаная куртка, матерчатая кепка.

Остановившись у магазина игрушек, Сергей еще раз скользнул по незнакомцу взглядом и сделал вид, будто заинтересовался огромным львом, уставившимся через стекло блестящими глазами. Немного подумав, вспомнил, что уже видел одетого подобно этому человека в кафе, откуда только что вышел. Там он стоял за стойкой. Может, совпадение? Решив проверить, Сергей развернулся и направился обратно. С первых шагов навстречу подозрительному парню ему сразу стало ясно, что тот проявляет интерес именно к нему. Замешкавшись, незнакомец отвернулся, неестественно задрал голову.

Не подавая вида, Сергей прошел мимо и зашел в следующий магазинчик. Это были товары для женщин. Решив сразу сделать жене подарок, попросил показать духи. Пока молоденькая девушка расхваливала товар, он бросил взгляд в окно. Мужчины в поле зрения не было. Когда Сергей вновь оказался на улице, странного субъекта и след простыл. Добравшись пешком до самой гостиницы, он пришел к выводу, что это все-таки случайное совпадение. Однако в номере его ждал сюрприз. Едва ступив в прихожую, он сразу обратил внимание, что стоящая на полу дорожная сумка закрыта полностью. Сергей оставлял ее открытой примерно на одну треть.

«Может, уборщица?» – мелькнула мысль.

Не закрывая за собой дверь, Сергей осторожно прошел внутрь. Следы уборки действительно присутствовали. Заглянул в шкаф, под кровать, осмотрел ванную. Стекланная полочка, на которой стояли бритвенный прибор и пенал с зубной щеткой, тщательно протерта. Он облегченно вздохнул и вернулся в коридор. Закрыл, наконец, дверь, заглянул в сумку. Снова охватила непонятная тревога. Вещи лежали не совсем так, как он оставил.

«Любопытная горничная? – подумал Сергей, укладывая в сумку купленные по дороге духи. – А если это был кто-то другой?»

Снова вернулся в комнату и взял лежащий рядом с телевизором билет на самолет. Некоторое время рассматривал его, словно пытаясь увидеть на нем отпечатки пальцев побывавшего здесь человека. Придя к выводу, что, если в номере орудовали люди, которых он интересовал, они наверняка как-то проявят себя в аэропорту, он забрал сумку и направился к администратору.

До аэропорта, взяв такси, добрался без приключений. Не было ничего такого, что могло бы насторожить, пока ждал регистрации. Сергей надеялся увидеть заинтересовавшего его парня при посадке на самолет. С этой целью он даже потоптался некоторое время у трапа, после того как пассажиры вышли из автобуса. Безрезультатно. Окончательно успокоившись, он занял свое место и сразу после взлета уснул.

* * *

Получив от Полинцева сообщение о том, что новосибирские ученые также пересекались с загадочным «Инвест XXI век», Федор Павлович задумал всерьез проверить эту организацию. Деятельность офицеров ГРУ уже давно вышла за рамки их полномочий, и генерал опасался неприятностей со стороны ФСБ. Он был уверен, что смежники заметили их возню вокруг загадочных убийств и в ближайшее время потребуют объяснений. До этого момента он использовал как прикрытие Военную прокуратуру, в которой ему не составляло труда получить помощь. Однако долго это продолжаться не могло. Пока он объяснял свои просьбы необходимостью

изучить обстановку изнутри, не вмешиваясь в ход следствия, ему шли навстречу. Даже на запрос из Новосибирска о Глущенкове, а именно под такой фамилией там работал Полинцев, Москва подтвердила, что данный сотрудник действительно находится в служебной командировке. Теперь же, когда общая картина была ясна и возникла необходимость следственных действий, появились сомнения, целесообразно ли проводить их самостоятельно. Внутри страны для этого нужны веские основания, исключение лишь Чечня.

Уже на протяжении часа, закрывшись в кабинете на даче генерала, они с Филипповым обсуждали этот вопрос. Антон горел желанием самостоятельно заняться «Инвестом». Родимов был уверен, что для этого необходимо ставить в известность «контору».

– Ты не понимаешь одного, – Федор Павлович взял со стола бутылку минеральной воды и глотнул прямо из горлышка, – напичкаем мы тебя видеокамерами и микрофонами, придешь ты туда под видом сотрудника НИИ, откроешь рот – и на первом же вопросе провалишься. Там серьезные эксперты. У большинства ученые степени.

– Я не говорю, что идти нужно мне, – не унимался Антон. – Можно этот вопрос решить с любым институтом. Проинструктировать реального доктора наук, и вперед!

Он поднялся с дивана и прошел к окну.

– А если наши предположения подтвердятся? – Родимов сокрушенно вздохнул. – И «Инвест XXI век» действительно занимается вербовкой ученых?

– Он даст согласие, – Антон пожал плечами. – Дальше видно будет.

– Ладно, кто займется обеспечением безопасности этого человека?

– А что ему может грозить, если он согласится? – удивился Антон. – Я считаю, что на тот свет отправили тех, кто отказался от этого предложения.

– А у меня есть в этом сомнения, – генерал смахнул со стола невидимые крошки и откинулся на спинку кресла. – Вдруг они берут работу якобы для рассмотрения ее перспектив, и, убедившись в том, что проект полезный, ликвидируют автора? Ведь все проекты к моменту обращения за помощью уже теоретически обоснованы. Деньги нужны на практические исследования.

– Своими силами можем, – нерешительно проговорил Антон.

– Ты предлагаешь рисковать жизнью постороннего человека? – Лицо генерала стало строгим. – Нет, это уже прерогатива контрразведчиков. Езжай к Линеву. – Он встал со своего места. – Заодно узнаешь адрес новой конспиративной квартиры.

Майор Линева был давно знаком Филиппову. Их объединяли несколько совместных операций. В свою очередь, контрразведчик хорошо знал офицеров группы. Несколько раз выезжал с ними на Кавказ. Формально он был включен в состав объединенного штаба, осуществляющего взаимодействие между ведомствами в рамках контртеррористических операций.

Среднего роста русоволосый офицер-контрразведчик имел большой авторитет среди спецназовцев. Антон также уважал Данилу, но постоянно при общении с ним испытывал чувство, будто тот чего-то недоговаривает. Линева словно давал понять, что есть грань, за которую разведчикам не стоит соваться. Возможно, это было не так, а подобные подозрения были пережитком службы в войсках, еще в советские времена, когда любой контакт с osobистом настораживал и оставлял неприятный осадок. Тогда казалось, будто эти люди знают о тебе все. О каждой любовной интрижке, о несданных вовремя на склад боеприпасах, о рассказанном анекдоте.

Антон поднялся на третий этаж панельной «хрущевки» и надавил на кнопку звонка. Данила встретил, как всегда, сдержанно. Несмотря на то что в квартире было тепло, он почему-то был в куртке.

– Чего это ты? – проходя в кухню, куда Линева указал рукой, удивился Антон и расстегнул плащ.

– Морозит, – Данила шмыгнул носом и, обойдя его, уселся за стол.

На плите шумел чайник.

– Заболел? – Антон опустился на пластиковый табурет.

– Я сегодня вообще на работу не собирался, – осипшим голосом заговорил тот. – Шеф позвонил, сказал, у вас какие-то проблемы...

– Да проблем как таковых нет, – Антон усмехнулся, – их шеф придумывает.

– Если ты об «Инвесте», то не прав, – ошарашил Данила.

– Значит, ты уже в курсе? – удивился Антон.

– Мы за вашей возней наблюдали, – подтвердил Линеv.

– Почему возня? – Антон сделал вид, что разозлился.

Данила поднялся и, выключив газ, развернулся к нему лицом.

– Извини, не так выразился, – взяв чашку, он вопросительно посмотрел на гостя.

– Нет, – покачал головой Антон. – Только что у шефа на даче ведро выпил.

– В общем, в двух словах, – Линеv налил чай и вернулся на свое место. – Когда у нас в конторе узнали, что вы заинтересовались делом гибели ученых, решили не мешать, а так как я с вами работаю давно, поручили мне этот процесс контролировать.

– И что? – не скрывая раздражения, спросил Антон.

– Не кипятись, – Линеv отхлебнул чай, поморщился. – Если бы знал, что не пустышку тянете, подстраховал.

– Теперь так не думаешь?

– Теперь нет, – на полном серьезе ответил Данила. – Есть в этом что-то такое, что и прокуратура, и мы прошляпили.

– Какие будут предложения? – Антон напрягся.

– Работать будем, – хмыкнул Данила. – Завтра и начнем. Сейчас проедем в один НИИ, подберем подходящую кандидатуру. Проинструктируем и завтра после обеда торпедируем этот фонд.

– Вы полностью эту проблему на себя берете? – уточнил Антон.

– Не в состоянии, – Данила сокрушенно вздохнул. – У нас сотрудников сейчас кот наплакал. Много в командировках, да и здесь гора проблем. То одно взорвут, то другое. Боишься, что твои «рексы» не справятся?

– Я это с самого начала предлагал Родимову, – Антон повеселел.

– Теперь придадим делу официальный статус.

* * *

В столицу Полынцев прилетел ночью.

Москва встретила сильным порывистым ветром с мокрым снегом. Разомлевшего за время перелета Сергея знобило. Быстро пройдя все формальности и получив багаж, он направился к стоянке такси.

На выходе из здания аэропорта, в тамбуре, образованном двумя стеклянными дверями, его окликнул приятный женский голос:

– Мужчина, вы не поможете?

Обернувшись, он столкнулся взглядом с девушкой в вязаной шапочке и кожаной куртке. Несмотря на непогоду, она была в капроновых чулках, подчеркивающих стройные ножки, и сапожках на высоком каблуке. Большие синие глаза игриво смотрели на него из-под длинных ресниц. Слегка припухшие детские губы расплылись в наивной и виноватой улыбке.

Одной рукой она тащила за собой тележку с огромным чемоданом, в другой несла объемную сумку, отчего выглядела немного смешно, напомнив ему муравья.

Сергей закинул свой багаж на плечо и взял из ее рук ношу.

– На такси?

– Нет, – она окинула его настороженным взглядом и заправила под шапочку прядь обесцвеченных волос. – У меня на стоянке машина.

– Вот как? – удивился Сергей.

– Я только вчера из Москвы. Сегодня снова здесь, – пояснила она.

– Бизнесом занимаетесь? – почему-то спросил он, хотя на «челнока» девушка не походила. Как говорится, фигурой не вышла. В отличие от людей, таким образом зарабатывающих на жизнь, она была хрупкой, а судя по лицу, еще и доброй. Ни то ни другое качество не приносит успеха в «челночном» бизнесе, тут надо быть наглым и сильным.

Отказавшись от услуг нескольких таксистов, заступавших им путь, они пересекли площадь, миновали небольшой шлагбаум охраняемой стоянки и, пройдя между рядами серебрившихся от воды и снега машин, остановились у синей «Ауди».

– Хотите, довезу? – доставая из кармана брелок с ключами, предложила она.

– По пути ли? – засомневался он. – Сейчас транспорт не ходит. Мне легче прямо отсюда такси взять.

Тем временем она открыла багажник.

Взяв в руки чемодан вместе с тележкой, Сергей поднял его на уровень груди, чтобы поставить в машину, как неожиданно перехватил взгляд незнакомки. Девушка со страхом смотрела куда-то ему за спину. Сзади послышался шорох. Не раздумывая, он развернулся и метнул багаж в направлении звука. В тот же момент мощный удар в переносицу отбросил его спиной на машину. Одновременно с двух сторон кто-то навалился и стал выворачивать руки. Поджав ноги под себя, он рухнул на колени. Почувствовал, что хватка ослабла. Снова выпрямился, освобождаясь от нападавших. Сильно мешала висевшая на плече уже его сумка. Сбросив ее, он отпрыгнул в сторону и развернулся. Двое мужчин в спортивных шапочках и куртках устремились следом. Один из них оказался на полшага ближе своего напарника. Сергей встретил его ударом в подбородок. Хрюкнув, тот словно споткнулся о невидимое препятствие и, несколько раз перебрав ногами, упал на четвереньки. Его дружок уже тянул руку, чтобы схватить Сергея за отворот куртки. Перехватив его запястье, Полинцев с силой крутанул кисть против часовой стрелки. Охнув, парень упал на спину. Двинув ему каблуком по ребрам, Сергей бросился ко второму злоумышленнику. Тот уже пришел в себя и поднялся. Широко расставив ноги и тяжело дыша, он держал в руке пистолет.

Девушки слышно не было. Она словно испарилась. Сергей понял, что это заранее спланированная ловушка.

Бросил быстрый взгляд в сторону здания аэропорта. Нападавшие удачно выбрали место. Самая неосвещенная часть автостоянки. До выхода далеко. Вся надежда на то, что потасовка в зоне слежения видеокамер.

– Садись в машину! – скомандовал мужчина.

«Стрелять он не станет, – решил Сергей. – Тогда точно их заметят. С женщиной и с покалеченным другом уйти не смогут».

Бросившись вниз и влево, Полинцев встал на четвереньки и, выпрямив левую ногу, крутанулся вокруг своей оси. Где-то он слышал, что этот прием в Китае называется «Хвост дракона». На их занятиях инструкторы никак не называли его, просто учили сбивать человека с ног. Парень, перевернувшись в воздухе, со всего размаха упал на спину. Загремел вылетевший из рук пистолет. Сергей бросился за оружием, и в это время словно огромное темное небо опустилось сверху, придавив своим весом не только его к грязному и мокрому асфальту, но и все звуки. На какое-то время он забылся. Придя в себя, почувствовал, что его куда-то волокут. Прислушался. Рядом шли двое. Сильно сопели. Еще бы, он не легкий. Позади семенял кто-то третий. Но это была не девушка. Цокот ее каблуков он бы узнал. Правую руку держат за предплечье. Кисть левой волочится по асфальту. Сустав не зафиксирован. Решение созрело мгновенно. Резко подтянув к груди колени, сделал кувырок вперед и, встав на ноги, развер-

нул к противнику. Тут же вцепился в пах шедшему до этого справа парню. Удивленно хмыкнув, тот сложился. Откуда-то из темноты вылетел носок ботинка. Увернуться уже не было сил. Опрокинувшись на спину, Сергей потерял сознание.

– ...Говорил, надо было дожидаться, когда в машину сядет, – донесся откуда-то издали незнакомый мужской голос.

– Лизка ему предложила, он отказался, – слышался ответ.

Сергей пришел в себя, но не подавал виду, прислушиваясь к ощущениям. На руках наручники. Надели, по всей видимости, уже в машине, спереди. Уже не так плохо. Он, судя по всему, сидит на заднем сиденье, между двумя мужчинами. На удивление, Сергей сразу вспомнил все свои зловещие заключения.

Машину подбрасывало на ухабах. Видимо, от этого он и пришел в чувство. В голове звенело. Губы и нос словно чужие. Продолжая безвольно болтать головой при каждом рывке, Полицейский весь превратился в слух.

– Серый, далеко еще? – спросил сидевший справа от него парень.

– Почти приехали, – ответил человек за рулем.

Голос принадлежал уже не молодому мужчине. Сергей пришел к выводу, что кроме него в машине еще трое. Двое рядом с ним, один впереди.

Он приоткрыл глаза. Проехали какой-то фонарь, светивший бледным желтым светом. Судя по тряске и хлюпанью воды под колесами, машина ехала либо через село, либо через дачный поселок. Значит, все-таки в Новосибирске его пасли. Узнав, каким рейсом летит, организовали встречу.

Наконец, резко повернув вправо, остановились.

– Ворота откройте! – донеслось с переднего сиденья.

Сидевший справа парень щелкнул дверным замком и вышел наружу.

Кто его похитил, неизвестно. Однако ясно одно – с ним хотят говорить. Только Сергей не горит желанием общаться с этими людьми. Если принять во внимание, с каким остервенением и риском его похищали, в живых не оставят. Сейчас бандиты расслабились. Ко всему, двоим он изрядно намял бока. У одного железно сломана пара ребер. Да и второму придется обращаться в черепно-лицевую хирургию. Челюсть он ему расколол, как минимум, в двух местах. Сергей знал свои возможности. Состояние эйфории и страха, притуплявшее боль и отвлекающее от нее, прошло. Сейчас любое движение причиняет обоим гаврикам страдания. Надо попытаться этим воспользоваться. Передвинувшись на освободившееся место, он сцепил руки в замок, чтобы не затянуть браслеты еще сильнее, и резким движением двинул локтем по лицу сидевшего слева парня. Раздался лязг зубов. На звук обернулся сидящий за рулем мужчина. В тот же момент в его глаз воткнулся по вторую фалангу палец Сергея. Заорав не своим голосом, водитель схватился за лицо. Толкнув плечом дверь, Полицейский бросился на улицу.

Как он и предполагал, это был дачный поселок. Машина стояла у третьего от окраины дома, за которым на фоне неба виднелся лес. Не обращая внимания на крики и шум позади себя, он рванул вдоль дороги. Взревела машина. Фактор внезапности сыграл свою роль: пока похитители приходили в себя, он добежал до росшего вдоль дороги кустарника и свернул в него. Теперь нужно как можно дальше оторваться от преследователей. Бежать со скованными впереди руками было тяжело. Но все-таки он благодарил бога, что наручники не надели сзади. Тогда бы он не смог «контузить» своего охранника и ослепить водителя. Третий в момент побега был во дворе и попросту не видел, что происходит за воротами. Сидевший впереди мужчина, судя по голосу, был уже достаточно солидного возраста, чтобы гоняться за молодыми, да еще после тычка по главному яблоку.

Сзади слышались крики. Надрывно ревел мотор машины. Оглянувшись, он увидел в свете фар бегущего следом парня. До него было уже далеко.

Стараясь не издавать шума и прикрываясь от веток руками, Сергей бежал около получаса. Затем перешел на шаг. Он уже давно был уверен, что его никто не преследует, просто теперь необходимо выйти к людям или, на худой конец, на шоссе. Избавиться от наручников.

Начался подъем. Под ногами хрустел лед. Ближе к рассвету ударил мороз. Оказавшись на небольшом взгорке, Сергей увидел впереди редкие огни какого-то поселка.

Глава 4

– Тебе Полынцев звонил? – едва поздоровавшись, спросил Родимов.

Антон бросил взгляд на часы и, переложив трубку в правую руку, сел:

– Нет, а что?

– Ночью должен был прилететь, – напомнил генерал.

– Позвонит, – Антон зевнул и посмотрел на окна. Ярко светило солнце. Наконец-то подморозило, и стекла покрылись едва видимым узором.

Который день подряд Антон просыпался гораздо позже обычного. Организм восстанавливал силы после устроенной руководством ГРУ проверки. Вот и сегодня уже начало девятого, а он только продрал глаза.

Отключив телефон, направился умываться. Едва намылил подбородок, как в дверь позвонили. Чертыхнувшись, вышел в коридор и посмотрел в «глазок». На площадке стоял Сергей.

– Ты чего? – впуская гостя в квартиру, удивился Антон. – Доложил бы по телефону.

– Мог, – Сергей бесцеремонно щелкнул выключателем. – Только он изображение и состояние души не передает. Полюбуйся.

Антон присвистнул.

Переносица распухла. Под глазами синева.

– И вот, – с этими словами Сергей задрал рукава куртки. На запястьях красовались следы от наручников.

Смыв пену, Антон провел его на кухню.

– Рассказывай.

– В двух словах, – Полынцев осторожно потрогал нос и, словно убедившись, что не оставил его в прихожей, уселся на стул. – В Новосибирске кто-то побывал в номере. Видел билет. Здесь в аэропорту встретили.

– Давай по порядку, – не сводя взгляда с капитана, Антон сел напротив.

Сергей коротко изложил все – от момента знакомства в аэропорту с некой Лизой до того, как в окрестностях села, к которому он вышел после побега, нашел кусок проволоки и избавился от наручников.

– Что нам известно? – выслушав Сергея, задумчиво протянул Антон. – Привезли они тебя в поселок Светлый. У одного из нападавших и, по всей видимости, старшего в этой команде кличка Серый. Также на них работает девушка по имени Лиза.

– К врачам, возможно, кто-то обратится, – напомнил Полынцев. – Можно сводки через Линева запросить.

– Бесполезно, – немного подумав, цокнул языком Антон. – Таких мордобоев за одну ночь знаешь сколько по Москве и области было! Нужно немедленно адрес в Светлом пробить. Только тихо.

– Думаешь, это что-то даст? – засомневался Сергей. – Наверняка дом каких-нибудь алкашей.

– Ты предлагаешь это просто так оставить? – удивился Антон.

– Да нет, – Сергей смутился. – Проверить-то, конечно, надо, только...

– Значит, так, – перебил Антон и показал Сергею взглядом на газовую плиту: – Разогрей завтрак, а я пока оденусь.

Дачный поселок Светлый оказался на самом деле довольно мрачноватым. По крайней мере, так показалось Антону, когда он глядел на него в бинокль с небольшого возвышения, по которому накануне уходил Полынцев. Это была когда-то брошенная деревня, дома в которой, купив за бесценок, приспособили под дачки. С одной стороны лес, в котором больше преоб-

ладали лиственные деревья, с другой – давно не паханное поле с руинами фермы на краю. Дороги здесь не были асфальтированы, дворы большей частью заросли бурьяном.

– Получается, этот дом третий от въезда, – не отрывая взгляда от окуляров, уточнил Антон у стоявшего рядом Сергея.

– Да, – подтвердил тот.

Дрон, Завьялов и Мишенев, о чем-то вполголоса переговариваясь, топтались чуть в стороне. Все были одеты в форму егерей. У двоих за спиной болтались уложенные в чехлы ружья. С ними же стоял и начальник охотничьего хозяйства Цуканов. Бывший военный, а теперь пенсионер, безо всяких оговорок согласился помочь спецназовцам, предоставив не только одежду, но и оружие.

План был прост. Была придумана легенда, по которой якобы с утра в окрестностях Светлого обнаружено место, где освеживали кабанов. Егеря нашли две шкуры, внутренности и прочие останки несчастных животных. Рядом следы от автомобиля «Нива».

Под видом поиска браконьеров разведчики собирались опросить оставшихся в селе жителей и выяснить, кому принадлежит автомобиль, на котором вчера увезли из аэропорта Полинцева. Попытаться узнать, кто появлялся в интересующем их доме, где, согласно документам, прописан со своей женой престарелый инвалид. Линева уже приступил к проверке родственников этого человека, поскольку было понятно, что сам Иннокентий Гаврилович Лазарев в свои восемьдесят шесть лет не сможет прыгать так бойко, как напавшие на офицера ГРУ люди.

Завьялов с Полинцевым остались наблюдать за домом, остальные, усевшись в микроавтобус охотхозяйства, доехали по раскисшей дороге до центра поселка.

– Мне с вами? – спросил Цуканов.

– Если не затруднит, – кивнул Антон и открыл двери.

Интересующий Антона дом представлял собой небольшое покосившееся бревенчатое строение, два окна которого выходили на дорогу. Сразу, опасаясь насторожить стариков, идти к ним не решились. Послonyaвшись по пустынным улицам, заметили в одном из дворов машину. Подошли. Здесь оказались дачники, готовившие свое хозяйство к зиме. Приехали утром. Решив, что расспрашивать их о соседе смысла нет, Антон направился к следующему дому.

С первых шагов сразу стало ясно, что здесь живут коренные жители. На цепи метался здоровенный пес, на окнах цвела герань. Со стороны хозяйственных построек доносилось повизгиванье свиней.

– Дрон, подождешь здесь, – Антон толкнул калитку и остановился, с опаской глядя на собаку.

На крыльце появился невысокого роста, но еще крепкий старик. В накинутаой на плечи фуфайке, близоруко щурясь, он некоторое время изучающе смотрел на странного гостя.

– Федор Силантьевич, не узнал?! – крикнул из-за спины начальник охотхозяйства и, подвинув Антона, бесцеремонно прошел во двор.

– А, это ты, – старик закашлял. – Чего надо?

– Поговорить.

– Проходите.

Оказавшись в скромно обставленной комнате, посреди которой топилась печь, дед указал гостям на стол:

– Присаживайтесь.

– Федор Силантьевич, – бросив на Антона настороженный взгляд, заговорил Цуканов. – Опять в ваших краях браконьеры объявились.

– Так когда же они пропадали? – усмехнулся дед, прикуривая папиросу.

– Ты заезжих не видал?

– Да вроде нет, – пожал плечами хозяин дома, пододвигая к столу табурет и усаживаясь. – Моя старуха к дочке уехала, – неожиданно сменил старик тему разговора, посчитав, видимо, что дал гостям исчерпывающий ответ. – Вот сижу на хозяйстве.

– Может, браконьеры приехали с вечера? – Антон испытующе посмотрел на Цуканова.

Догадавшись, что от него требуется подтолкнуть старика в нужное русло разговора, тот кивнул:

– Слушай, Силантыч, может, был кто вчера? Ты бы вспомнил! Глядишь, я тебе в другой раз свежанинки подкину.

– Да не видел! – старик закашлялся. – Я б тебе и так сказал. Мне эти городские уже вот где стоят! – он провел по худой шее ребром ладони. – То пожары от них, то уток долбят без разбору. Совсем животины не стало.

– Нам в соседнем доме сказали, к Лазареву гости наведывались, – не унимался Цуканов.

– Да. На синей «Ауди», – подтвердил Антон, не сводя со старика взгляда.

– Кто сказал?! – старик вспылil. – Поди, дачники?! Они здесь бывают раз в сто лет и уже на людей поклеп наводят. Племянник приезжает к нему на машине. Уж не знаю, как называется, но синяя, – успокоившись, подтвердил дед. – Только он не браконьер. Вчерась тоже был. Поздно приехал. Постоял у ворот и снова укатил.

– Во сколько? – насторожился Антон.

– А шут его знает, – старик пожал плечами. – Я плохо сплю. Под утро встал покурить, слышу вроде как крик какой-то, – он потушил докуренную почти до самой гильзы папиросу о лежащую на столе крышку от банки. – В окно глянул, машина у ворот. Потом завелась и укатила.

– Ну ладно, – Антон встал. – Пойдем тогда.

Распрощавшись со стариком, вышли за ворота.

– Ну что? – Цуканов выжидающе уставился на Антона.

– Придется заглянуть, – принял решение Антон. – Вы проверить помещения можете?

– По закону нет, – Цуканов приуныл. – А так... Есть один способ.

Здесь собаки не было. Пройдя по выложенным из досок мосткам, оказались у дверей. Антон постучал.

– Открыто, – донесся откуда-то из глубины дома старческий голос.

Дорофеев, как и в первый раз, остался снаружи. Смысла вваливаться в избу втроем не было.

Пройдя через темные сени, вошли в дом. Он был разделен на две половины. Первая служила кухней, столовой и прихожей одновременно, вторая, судя по двум кроватям, спальней хозяев. В дверях стоял древний старик в поношенном пиджаке и спортивных штанах с отвисшими коленками. За столом, у окна, сидела сухонькая старушка в цветастом платке. На появление гостей она никак не отреагировала, продолжала пить чай, из чего Антон сделал вывод, что бабка абсолютно глуха и мало что видит.

– Здравствуйте! – поздоровался охотовед.

– Здоров, – буркнул старик, настороженно глядя из-под косматых бровей на незнакомцев.

– Иннокентий Гаврилович? – уточнил Цуканов.

– Ну, я, – старик прошел к столу и оперся на него рукой. – А вы кто такие?

– Егерь я ваш главный, – пояснил охотовед. – Ищем, кто с утра кабанов пристрелил тут недалеко.

– Откуда им здесь, кабанам, взяться? – усмехнулся старик. – Сейчас в лесу, кроме мышей, уже ничего нет.

– Это ты зря, – Цуканов окинул взглядом комнату. – К тебе кто под утро приезжал?

– Племянник, – не задумываясь, ответил дед. – А что, нельзя?

– Да нет, почему же, можно, – Цуканов поправил выбившийся из-под воротника шарф. – Только вот незадача, он утром уехал, а мои люди утром шкуры нашли. Совсем недалеко.

Вздыхнув, дед, шаркая ногами, подошел к старенькому холодильнику, вздрагивающему у стены, и открыл:

– Смотри.

– И посмотрю, – хмыкнул Цуканов.

Ничего, кроме десятка яиц и пары окорочков, здесь не было.

– А погреб есть? – осторожно спросил Антон.

– Зачем он мне нужен? – старик усмехнулся. – Вот ведь холодильник.

– Мясо можно и в колодец спрятать, – продолжал наседать Антон.

– Идите и сами смотрите, – махнул рукой дед. – Мне скрывать нечего.

– А не будешь потом жаловаться? – прищурился Цуканов.

– А зачем? – вопросом на вопрос ответил старик. Разговор его уже измотал, и он опустился на стул.

Колодца во дворе не было. Имелась скважина и электрический насос. В амбаре было пусто. Через опустевший огород дошли до бани. Глядевшее на мир единственным подслеповатым окошком покосившееся сооружение с прогнившей крышей, казалось, развалится от одного прикосновения. Дрон потянул ручку на себя. Дверь заскрипела. В нос ударил запах сгнившего дерева и плесени. Антон достал фонарь и бросил украдкой взгляд в сторону дома. В окне маячил старик.

Войдя внутрь, он осветил небольшую печь с вмонтированным чаном для воды, полки для мытья. В углу, сложенные один в другой, стояли два таза.

Сокрушенно вздохнув, окидывая взглядом тесное помещение, Антон собрался уже было выйти, но тут его внимание привлекло довольно большое расстояние между полками и печью. Наведя туда луч фонаря, он с удивлением обнаружил свежеструганные доски, тщательно подогнанные друг к другу. Подошел ближе. Здесь была небольшая дверь, закрытая снаружи на металлический засов.

– Ого! – раздался из-за спины удивленный голос Цуканова. – Там ведь яма для воды? Зачем они ее закрывают?

Не говоря ни слова, Антон отодвинул засов и открыл оказавшуюся довольно массивной дверь. Он уже догадался, что баню давно не используют по назначению, а здесь, под полком, скорее всего, небольшая тюрьма.

В небольшой, с метр на метр, яме с обшитыми досками стенами никого не было. На дне валялся старый матрац, пахло мочой.

– А Польша не первый должен был здесь оказаться, – удивленно протянул Дрон, протискиваясь следом.

* * *

Как и в первый раз, для разговора Линева предложил уже знакомую Филиппову конспиративную квартиру. На очередную встречу с ним Антон приехал с Польшцевым. Данила был уже на месте. Вид у него был расстроенный.

Проводив гостей в комнату, он уселся в кресло и, дождавшись, пока гости расположатся на диване, взял в руки пульт. Включил телевизор. Щелкнул и едва слышно зашуршал видеомагнитофон.

– Те, кто тебя пытался похитить, – Линева посмотрел на Сергея, – не дилетанты. Они хорошо знали расположение камер скрытого наблюдения, – он показал взглядом на экран. – Только эти ребята не учли одного: в рамках усиления контроля за пассажирами наше ведом-

ство позаботилось о том, чтобы даже знающие люди не смогли избежать тотального контроля. Узнаешь?

Сергей хмыкнул:

– Она.

С экрана, беззвучно шевеля губами, приятной наружности девушка уговаривала Полинцева помочь поднести вещи.

– Нами установлено – эта дама появилась вблизи выхода незадолго до твоего прилета.

– Больше ничего? – разочарованно вздохнул Антон.

– Ищем, – Данила нажал ускоренную перемотку.

На экране появилась другая картинка. Это был участок автостоянки, где развернулись основные события. Вот в поле зрения появились мужской силуэт, тащивший за собой багаж. Сбоку семенит девушка. Подошли к иномарке. Открылся багажник, и одновременно из-за соседнего автомобиля выскочили слегка смазанные фигуры злоумышленников. Мгновение – и между двумя рядами машин завязалась потасовка.

– Это момент нападения, – зачем-то пояснил Сергей.

Однако разрешающая способность камер и темнота не позволяли разглядеть даже детали одежды.

– Машина была угнана за несколько часов до инцидента, – не обращая внимания на реплику, продолжал контрразведчик. – Кроме того, на нее навесили другие номера. Найдена в одном из дворов в Черемушках. У вас как дела?

Антон в двух словах уже описал по телефону результаты поездки в Светлый.

– Потрясли деда, – он сокрушенно вздохнул. – Ничего не знаю, ничего не видел. Адреса родственника не говорит. Приезжал редко, в основном подкидывал продуктов и исчезал. Что творилось в бане, не знает. Он туда и не заглядывал.

– Никакой он ему не племянник, – перебил его Данила. – Ни у деда, ни у его бабки близких нет. Он сын репрессированных в тридцатые годы учителей. Воспитывался в детдоме. Познакомился там со своей будущей супругой. Она тоже одна как перст.

– Дети? – спросил Полинцев.

– Двое сыновей. Один умер еще в начале девяностых. Второй сидит.

– Где? – удивился Антон.

– В тюрьме, – Линева почесал переносицу. – И находиться ему там еще три года.

– А статья?

– Бытовуха, – Данила выключил телевизор. – Замочил собутыльника. Кстати, в этой же деревне.

– Но хоть кто-то у них есть? – расстроенным голосом спросил Полинцев. – Может, внуки?

– Говорю же, нет, – Линева поднялся со своего места и подошел к окну. – Пенсия у стариков маленькая, вот и согласились сдать в аренду баню.

– Может, ты его покрутишь? – предложил Антон.

– Смысла не вижу, – продолжая глядеть в окно, едва слышно проговорил Линева. – Обычно таким людям ничего не известно. Возможно, Лазарев не врет и действительно понятия не имел, для чего используют его баню. Я, как только узнал, сколько ему лет, сразу понял, что вы зря туда едете. Ну, еще могла бы эта поездка что-то дать, будь у старика криминальное прошлое. А так, – он вздохнул и развернулся к разведчикам, – всю жизнь от рассвета до заката горбатился в колхозе. Он и врать-то наверняка толком не умеет.

– Вот в этом ты не прав, – оживился Антон. – Все село он смог убедить, что это племянник.

– Хорошо, – Данила вновь вернулся на свое место и сел. – Проверим еще раз. До войны НКВД при аресте родителей детей распределяло по спецприемникам. Возможно, у старика

был брат или сестра, но малолетние. Допускаю, что нашлись они недавно, когда рассекретили архивы. Я еще раз сделаю запрос, но уже по личным делам родителей.

– Нам теперь чем заниматься? – осторожно поинтересовался Сергей. Он не любил работу, подобную сегодняшней, считал ее рутинной.

– С завтрашнего дня вводим в игру Льва Федоровича Каныгина, – не поднимаясь из кресла, Данила протянул руку и взял со стола папку. – Здесь его фотографии, адрес работы и где живет. Каким транспортом пользуется. В общем, все. Ваша задача – брать под контроль всех, с кем профессор будет вступать в контакт.

– Как это? – не понял Полынцев.

– Молча, – Данила перевел на него взгляд. – Самого Каныгина будут вести наши сотрудники. Они же займутся и обеспечением его безопасности.

– Не понял, – Полынцев не мигая уставился на Линева.

– Сразу после выхода его из офиса «Инвеста» начинаете двигаться следом. Опера из «наружки» укажут людей, кто подходил к нему, пытался заговорить...

– Ехал рядом в метро, – перебил Антон. – Попросил закурить... Зачем?

– Если в этой конторе действительно занимаются вербовкой ученых, возможно, за ним начнут наблюдать.

– Ты считаешь, что там за всеми организуют слежку? – удивился Антон.

– Нет, – Данила покачал головой. – Но Каныгин обязательно заинтересует эту организацию.

– Он сам-то хоть знает, что выполняет роль живца? – спросил Сергей.

– А как же! – Данила повеселел. – Это светило. Втемную его не используешь еще и потому, что он попросту не пойдет к иностранцам на поклон.

– Понятно, – Антон потянулся. – На сегодня у нас никаких планов нет?

– Почему же, – Данила загадочно посмотрел на Полынцева, затем перевел взгляд на Филиппова. – Можете проехать со мной к матери Акутина. Я сегодня собираюсь проинформировать ее о том, что обнаруженный на даче обгоревший труп не является Геннадием Леонидовичем.

– Знаешь что, – на секунду задумавшись, словно в последний раз взвешивая в уме все «за» и «против», вздохнул Антон. – Ты лучше позаботься о том, чтобы записи с видеокамеры наружного наблюдения «Стройбанка» попали к нам.

– За все полгода существования «Инвеста»? – лицо Данилы вытянулось от удивления. – И как ты собираешься их просмотреть?

– Молча, – Антон встал. – Распределяю между всеми офицерами группы. В ускоренном режиме до утра.

– А что мы должны будем там увидеть? – расстроился Полынцев.

– Я подозреваю, что в лаборатории профессора, в сейфе, что-то хранилось. Возможно, то вещество, над которым он работал. Если это так, есть вероятность, что оно заинтересовало террористов.

– Ты хочешь сказать, что кто-то из известных вам бандитов находится в контакте с этой конторой? – задумчиво протянул Данила.

– Скорее «Инвест» с ними, – хмыкнул Антон. – На кого-то они должны опираться в Москве и Новосибирске, если дело доходит до устранения неговорчивых ученых.

* * *

Лизка сидела в ржавого цвета ванне с обитой по краям эмалью, тянула из горла «Клинское» и, глядя на покрывшиеся плесенью углы совмещенного санузла, размышляла над своей жизнью. Месяц назад стукнуло тридцать. Несмотря на то что выглядела она значительно

моложе, при мысли об этом становилось тоскливо. Семьи как таковой нет. Детей тоже. Оставшаяся после смерти матери-алкоголички однокомнатная квартира уже полгода как превращена в ночлежку для Пепла и его дружков Серого и Маклая. Вообще, до того, как этот седовласый с обветренным лицом и похожим на картофелину носом рецидивист впервые здесь появился, жила она хуже. Привел Пеплова ее сожитель Серый. В двух словах объяснив, что человек развелся с женой и теперь ему надо где-то временно перекантоваться, пронес его вещи в комнату. Некоторое время Пепел жил на кухне, расставляя там на ночь раскладушку.

Потом появился Маклай. Среднего роста, прыщавый брюнет оказался каким-то дальним родственником Пепла, и на кухне стало уже две раскладушки. Привыкшие еще при жизни матери к частым квартирантам за стенкой, устраивающим шумные пьянки и потасовки, соседи в этот раз, немного пороптав, успокоились и даже стали здороваться с обитателями девятой квартиры. Те вели себя смирно, водку не жрали, из окон не вываливались, песен не орали. Постепенно и Лизка приоделась. В доме появилась мебель, телевизор с холодильником и посуда. Пока мать была жива, любая посуда быстро превращалась в кучу осколков, и все, что можно было найти в случае пожара, – три эмалированные кружки.

Но, как ни странно, перемены в жизни Лизку не радовали. Нет, не особо стесняли ее и постояльцы, которые, кстати сказать, часто и надолго пропадали, за исключением Сергея. Она боялась, что однажды в дверь позвонят люди с суровыми лицами, сунут под нос развернутую красную книжицу, заломят, как в кино, за спину ее ручки, оставив на нежной бархатистой коже синяки, и уткнут носом в пол, покрытый в конце лета ковролином.

Полгода Лизка рисковала, а выражаясь юридическими терминами – входила в состав организованной преступной группы, занимающейся похищением людей.

Киднеппинг был поставлен на поток. Серый находил подходящую кандидатуру с богатыми родственниками – чаще всего избалованного родителями недоросля. Лизка завязывала знакомство и устраивала все таким образом, чтобы клиент оказался в машине Маклая. Пепел вел переговоры и шантажировал родителей. Суммы за выкуп назначались небольшие, причем во всех случаях предкам сообщалось, что их отпрыск попался на изнасиловании «сестры» – то есть ее, Лизки, – и вопрос быстро утрясался. Заложников держали в одном из сел недалеко от столицы, у старика, который был, по словам Серого, его дядей. Лизка раз в день привозила еду в специально оборудованную баню и справлялась о самочувствии клиента. Когда папаша или мамаша созревали и соглашались выложить за свое чадо деньги, его ночью вывозили из импровизированной тюрьмы и переправляли к месту предстоящего обмена. Лизка не переставала удивляться: за все время никто из родственников не обратился за помощью в милицию. Когда же смотрела новомодные боевики с похожим сюжетом, то про себя смеялась над наивностью сценаристов и тупостью их героев. Так длилось полгода. Везению способствовало то, что не хватало малолетних детей и всегда, прежде чем назначить сумму, рассказывали родителям о якобы совершенном сыном насилии. В размеренную, если ее можно так назвать, жизнь внесли коррективы появившиеся несколько дней назад двое кавказцев. Адлан и Каха предложили хорошие деньги за то, чтобы увезти в укромное место из Домодедова одного мужичка. Пепел согласился. Тем же вечером выехали в аэропорт. Отрепетировали встречу. Но, когда дошло до дела, возник целый воз проблем. Парень оказался не промах, и теперь все вповалку валялись на разложенном диване в комнате, поскуливая от боли в ребрах, сломанных челюстях и вывернутых суставах.

Лизка допила пиво и, встав, включила душ. Сквозь шум воды услышала, как в дверь позвонили. Зная, что никто из квартирантов по причине своего внешнего вида подходить не станет, чертыхнулась и выбралась из ванны. Быстро смахнула воду полотенцем, накинула халат, на ходу запахнувшись, вышла в коридор.

– Кто? – спросила нарочито громко, так, чтобы в комнате было слышно. Мало ли. «Глазка» тем более не было.

– Адлан, – прозвучал глухой голос.

Открыв замок, она пустила чеченца в прихожую.

– Ты не один? – увидев позади Адлана его дружка Каху, зачем-то спросила Лизка.

– Где Пепел? – глядя исподлобья, негромко поинтересовался чеченец.

– Все в зале, – пожала она плечами и направилась в ванную – дальше приводить себя в порядок.

Из глаз брызнули искры. Кто-то из гостей, схватив за волосы, толкнул ее в комнату. Не удержавшись на ногах, она полетела головой вперед и, ударившись о косяк, упала на пол. Лизка не потеряла сознание. Просто замерла. Она даже не закричала, когда кто-то из чеченцев, перешагивая через нее, наступил на руку.

– Лежите, тюлени вонючие? – злобно прошипел Каха.

Послышалась возня. Лизка догадалась, что ее подельники вскакивают с дивана. Звук телевизора стал тише.

– Мы как договаривались? – заговорил Адлан. – Вывозите этого шайтана к себе, а утром нам дайте расклад, на кого он работает и чем дышит.

– Так ведь никто не знал, что он...

Пепел заикался. Лизке стало по-настоящему страшно. Она никогда не слышала, чтобы его голос дрожал.

– А не надо знать, – скрипнуло кресло. Адлан сел. – Кто хозяин дома?

– Брат моего отца, – залепетал Пепел.

– Плохо, – вздохнул Каха.

Послышался едва уловимый металлический щелчок. Лизка ужаснулась. У Серого был газовый «ствол», и она слышала похожий звук, когда он снимал пистолет с предохранителя. Но только похожий...

– Пацаны, вы что? – осипшим от волнения голосом завопил Маклай.

– Дед не знает, где я живу, – Серый старался говорить спокойно, но это у него плохо получалось. От волнения он стал глотать окончания: – Он моего отца в глаза не видел. Их разлучили еще перед войной. Я его через Центральный архив нашел, когда откинулся...

Лизка подумала сначала, что три достаточно громких хлопка донеслись с улицы. Но Сергей вскрикнул, затем она услышала грохот упавшего на пол тела и поняла – стреляют из пистолета с глушителем. Она вскочила и с воем бросилась к входным дверям. Замок как назло проворнулся. Руки не слушались.

«Второй этаж! – осенило ее. – Надо прыгать!»

Развернувшись в сторону кухни, она налетела на Адлана. В тот же момент в живот ей что-то уперлось. Она увидела глаза чеченца и застыла на месте, боясь шевельнуться. Темные зрачки казались безжизненными. Неожиданно словно тонкая и острая игла прошла сквозь тело, куда-то к позвоночнику и, ткнувшись в него, разлетелась на сотни мелких раскаленных брызг. Пол ушел из-под ног. Падая, Лизка вдруг поняла, что не слышит звуков, никаких, и удивилась. Адлан некоторое время смотрел сверху вниз, потом, словно пересилив себя, навел пистолет ей в голову...

* * *

Серебристый «Мерседес» свернул с опустевшего шоссе, мягко проурчав по улицам Щелкова, меж панельных пятиэтажек, остановился перед шлагбаумом.

– Что это? – глядя на вышедшего из сторожки мужчину в камуфлированной куртке, спросил Адлан.

Пока ехали из Москвы, он успел уснуть и сейчас плохо соображал.

– Мои гаражи, – пояснил сидевший за рулем грузный чеченец.

- Как твои? – удивился с заднего сиденья Каха. – Все? Разве у тебя есть столько машин?
- Я их строю, потом сдаю в аренду, – не поворачивая головы, пояснил чеченец.

Марбек Нагаев был дядей Кахи, который неделю назад вместе с Адланом вернулся в Москву из Польши. Родственнику парни объяснили свой приезд необходимостью проведения очередной акции. Марбек был уже не молод. У себя на родине он не появлялся с начала девяностых, вел свой бизнес в столице. Но он ненавидел русских и всегда помогал землякам.

Охранник бросил взгляд в салон и, разглядев хозяина, переменился в лице.

– Здравствуйте! – пятясь задом к шлагбауму, он едва не упал в покрывшуюся льдом лужу. – Машину не узнал...

– Опять пьяный, – сокрушенно вздохнул Марбек.

– Почему не уволишь? – удивился Каха.

– Преданный, – коротко пояснил Нагаев, включая передачу.

Машина проехала под поднятой бело-красной полосатой трубой и, миновав несколько рядов бетонных коробок, остановилась.

– Приехали, – заглушив двигатель, пояснил Марбек.

Выйдя из машины, Каха и Адлан огляделись и растерянно уставились на провожатого:

– А где твой завод?

– Здесь, – чеченец никак не отреагировал на удивление в голосе племянника.

Подойдя к железным воротам, отличающимся от соседних лишь номером, нанесенным в углу белой краской, он несколько раз ударил в них носком ботинка. Полоса желтого света с вытянутым силуэтом человека перечеркнула асфальтное покрытие и изогнулась под прямым углом на задней стене расположенного напротив гаража.

– Сколько раз говорить, – протискивая грузное тело в просвет, зло заговорил Марбек, – выключай свет, когда ворота открываешь! Спрашивай, кто пришел!

– Федька про вас уже сообщил, – виновато шмыгнул носом тщедушный мужичок, одетый в драную куртку и грязные штаны.

– Ты ему опять спирт давал? – нахмурил брови чеченец. – Он у шлагбаума чуть не упал.

– Так, совсем малость, – бесцветные глаза мужичка забегали. – Для сугреву. Сторожка-то не отапливается.

Пока родственник разбирался со своим помощником, Каха огляделся. В тесном помещении гаража стояла крытая «Газель». Все оставшееся пространство между стенами было заложено упаковками каких-то картонок.

– Это что? – дождавшись, когда Марбек, наконец, закончит отчитывать мужичка, спросил Каха.

– Тара под водку, – пояснил Марбек. – Пошли.

За машиной оказалась хитроумно спрятанная дверь. Она открывалась вместе с заваленными инструментом полками, закрепленными на ней.

Чеченцы оказались в просторном, на несколько машин, помещении. Четверо ворот заварены изнутри. Перегородки отсутствовали. Каха сразу догадался, что они не были сделаны изначально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.